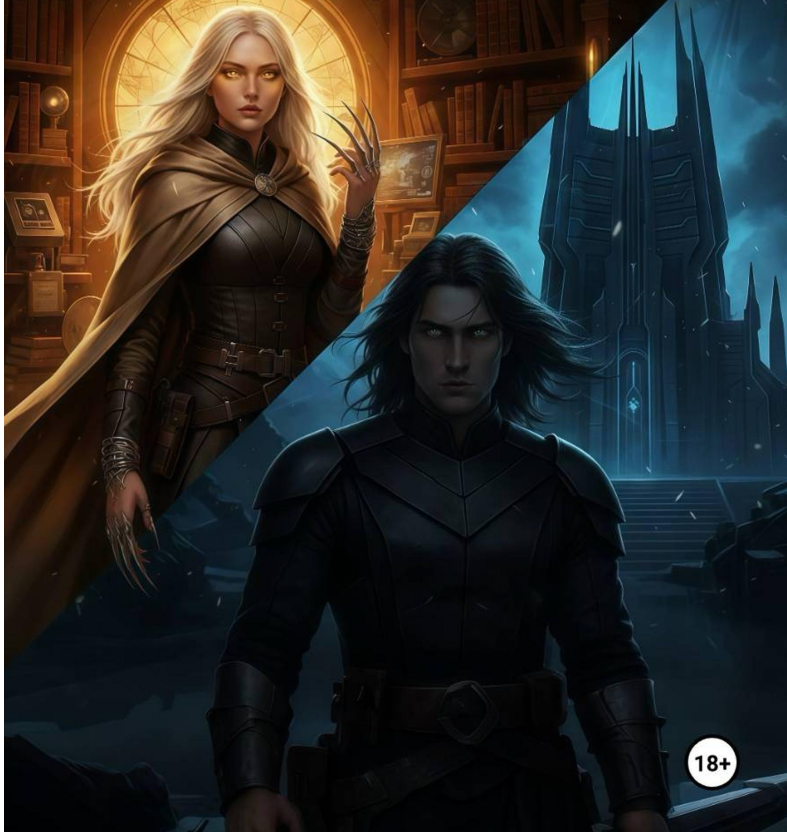

ПРАВИЛО ДВУХ

ЕЛИЗАВЕТА ВЕЙС

Елизавета Вейс

Правило двух

<https://litres.ru/73226406>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Зои Сорайя казалась предопределённой: рутина, тишина и мечты о карьере переводчицы среди звёзд. Но Империя не предупреждает о своих решениях. Когда на её след нападают имперские ищейки, привычный мир рушится, а каждый день превращается в погоню, где цена ошибки — смерть.

Чтобы выжить, Зои приходится совершить немыслимое: поступить в Академию своих врагов, притворившись одной из них. Здесь, в самом сердце имперской машины, её ждёт встреча с Каином Незерой.

Он — её судьба по воле самой Силы. Её предназначенная пара, хотя при первой встрече он же едва не стал её палачом.

Сможет ли Зои принять руку Каина, зная, что он втянет её в опасную игру за власть?

И что сильнее — страх перед будущим или искушение тёмной стороной?

Содержание

Глава 1. По пути потерь	4
Глава 2. По пути хвори	18
Глава 3. По пути бегства	27
Глава 4. По пути аколита	38
Глава 5. По пути ехидны	47
Глава 6. По пути нечестивых сделок	58
Глава 7. По пути злого юмора судьбы	66
Глава 8. По пути рейтинга и подозрений	76
Глава 9. По пути запутанных троп и вредных растений. Часть 1.	82
Глава 10. По пути запутанных троп и вредных растений. Часть 2.	91
Глава 11. По пути эмоций	101
Глава 12. По пути ложной безопасности	111
Глава 13. По пути затаённой гордости	119
Глава 14. По пути против течения	126
Глава 15. По пути вынужденного сотрудничества	134
Глава 16. По пути поиска взаимопонимания.	144
Часть 1	
Глава 17. По пути поиска взаимопонимания.	150
Часть 2	
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Елизавета Вейс

Правило двух

Глава 1. По пути потерь

Многие считают, что груз добра за плечами у этих людей непременно должен быть огромным и обязательно бросающимся в глаза. Дабы ни у кого в галактике не возникло сомнений, что перед ними авейра собственной персоной.

Из дневника неизвестного учителя Академии обскур

Луис и Мона Сорайя были поистине достойными авейрами [1] храма Руты. Каждый день, с восходом и до первой вечерней зари, они жили на благо других. Будучи чувствительными к силе Дня, Сорайя странствовали от планеты к планете, дабы прекращать эпидемии и засухи, пресекать перевороты или оканчивать войны, в общем-то этот список довольно-таки длинный. Да, Луис и Мона были хорошими людьми, но, если бы у меня спросили: «Какими они были родителями?», то я без раздумий ответила бы: ни - ка - ки - ми.

Большую часть моей жизни они провели где-то, но только не рядом. Конечно, мы виделись и общались с родителями

ми по гало-фону или с помощью межпланетной почтслужбы. Однако и эти редкие разговоры сводились к выяснениям о проявлении способностей или очередным проповедям послушников. Возможно, многие из них были действительно полезными, благородными и в некоторой мере интересными, но всё же я далека от понятий «бескорыстное служение», «повальное человеколюбие» и «безамбициозность».

Потому-то я и не стеснялась пользоваться динариями, которые родители исправно присылали раз в месяц только на самые первостепенные нужды, а я тратила их куда придётся. В конце концов, откуда им знать, какие нужды для меня важнее прочих? Нет, мук совести я точно не испытывала ни по этому поводу, ни по какому-либо другому.

— Зои Дамия Сорайя, вылезай из своего гнезда и помоги мне с кипрейными лепёшками! — от дома кухни до моего излюбленного местечка, в золотистой листве акации, немалое расстояние, а недовольное ворчание Мирай всё равно, будто прожужжало над ухом.

Если она упоминает второе имя, то лучше поспешить.

Я тяжело вздохнула и одним пружинистым движением очутилась на земле.

Болтая зажатой между зубами травинкой, я размышляла о чём угодно, только бы не думать о предстоящей работе.

— Д-а-м-и-я, — растянула я звуки и насупилась. — Какая гадость, — фыркнула.

Почему в тайное имя, предназначенное только для близ-

ких, мне досталось с самым унылым значением? «Домашняя». Скучнее не придумаешь.

Я помялась у порога небольшой постройки, по форме и цвету напоминающую спелую черешню, и в который раз окинула взглядом близлежащую территорию: розовый газон с яркими цветами-обманками, генерирующими купол невидимости, и огороженный стеклянным забором садок с кучей безумных растений. Среди них затесалось и несколько разумных представителей.

Последние ребята нравились мне меньше всего. Раз в сезон приходилось устраивать долгие и нудные переговоры, чтобы серебрум-Акка [2] или серебрум-Томат пожаловали нам свои съедобные плоды. Плюнуть на них и перестать разговаривать я не могла по нескольким причинам — во-первых, плоды были ключевыми ингредиентами стряпни Мирай, а, во-вторых, надо оттачивать знания языков группы серебрум.

До слуха долетел звон. Рывком коснувшись автоматической двери, я зашла внутрь. Как и предполагала, кухня вновь разбила стакан, не заметив его в творческом запале готовки.

— О, ты пришла, — прощепетала Мирай, сдувая кудрявую прядь с лица, перепачканного в розовой пыльце.

Глаза закатились сами по себе. Кухина вела себя так, словно это не она надрывала горло, зазывая меня, а я сама случайно мимо пробегала. Впрочем, к этой особенности род-

ственницы я давно привыкла и даже находила её забавной.

— Раз уж ты здесь, помоги перемолоть листья кипрея, — протараторила она с выражением полной невозмутимости. — Мне немного не хватило муки для заказа.

— Командирша, — я беззлобно усмехнулась и перехватила фартук, дурацкого розового оттенка, из её рук. Хорошо, что я не болела цветовой болезнью, в противном случае от обилия вокруг упомянутого цвета, у меня точно бы случился припадок. А так — только дёргалась бровь.

Когда я закончила орудовать ступкой, до края заполнив горшок растительной крошкой-мукой, на столе уже красовалось два контейнера, к каждому из которых Мирай прилепила по бумажному сердцу. Удивительно, как эта женщина совмещала в себе невероятную талантливость и просто абсурдную неуклюжесть за пределами кухни и булочной.

— Доставишь бабушке Тико и Бруксам? — она тыкнула подбородком в сторону блестящих коробочек и тут же поморщилась: несколько капель из раковины попало Мирай в глаз. Именно это я и имела в виду, когда звала её Верховной всех неудачливых.

Тащиться на край поселения жуть как не хотелось, проводить время в душевной булочной, где собирались все чудилы — хотелось ещё меньше.

— Ладно, — сдалась я обстоятельствам. Как там говорил отец? Чему быть не миновать? Вот уж точно, ведь в итоге придётся сделать и то, и другое.

Избавившись от фартука, я перекинула через плечи розовые (кто бы сомневался) ляжки и удручённо поковыляла к выходу.

Взволнованный голос нагнал ощутимым тычком у самой двери.

— Что? — я бросила на кухню взгляд через плечо.

— Пришли твои баллы. Ты получила «Превосходно» за все основные языки, а побочные сдала на «В высшей степени превосходно». Это замечательные результаты, — в карих глазах полыхнул огонь самых разных чувств: радость, гордость и невообразимая печаль, свернувшаяся клопом-вожючкой на кончике языка.

Я задержала дыхание, всего на мгновение позволив словам Мирай замереть в голове, а затем резко отвернулась, безразлично пожав плечами.

— Сдавала их от скуки.

— О ты на многое способна от скуки, — кухня сощурилась, — но только не на учёбу. Зои, — тон Мирай смягчился, — это прекрасная возможность. Тебя могут взять в столичную школу, а там, гляди, и до Эодана доберёшься.

— Ага, а там и до помоста для казни недалеко. Нет уж, спасибо. Приду к обеду. И не вздумай опять раскармливать всех за «огромную благодарность», — Я небрежно махнула рукой и рванула. Вперёд. Не сбавляя темпа. Не давая и шанса кухне сказать что-либо ещё.

***

Когда лёгкие иссохли и загорели так, что от малейшего вздоха грозились рассыпаться горсткой пепла, я остановилась. Выносливость не мой конёк. Стоило бы вспомнить об этом прежде, чем начинать позорный побег от Мирай. Глупо прерывать разговор вот так.

Любому познакомившемуся со мной могло показаться, что я — злая, брызжущая ядом ненависти ко всем и ко всему зануда. В общем и целом, да, такие стороны характера у меня имелись, и с лихвой. Но поскольку ненависть уж слишком чёрное и сложно чувство, я бы заменила его на раздражение.

Пнув гладкую чёрную гальку подальше от себя, я проследила весь её путь до самого ручья в низине между холмами и только потом заставила ноги двигаться. А вместе с ними задвигались и проклятые мысли. Не думать о школе и результатах не получалось. Мне действительно нравились языки. В будущем я хотела бы много путешествовать, связывать друг с другом представителей самых разных рас, изучать древнейшие из древнейших свитков! Фантазии об этом дарили ощущение приятного хмеля: голова кружилась, тело переполняла лёгкость, а изо рта то и дело вырывались дурацкие смешки.

Однако я всё же не была ни злой, ни не умеющей любить. Тем самым едокам, коих кузина подкармливала из жалости, тайком таскала молоко и динарии. Работу в булочной, о которой отзывалась с ленным недовольством, выбрала сама, поскольку брать от меня деньги и дальше Мирай отказалась

наотрез. Да и многие другие вещи я предпочитала не афишировать. Ведь что бы хорошего я не сделала, всякий поступок тут же подстраивался в один ряд с «добрыми» делами родителей. И естественно уступал в масштабах. А уж если по неосторожности упомянуть о том, что я не шла по пути силы Дня... лучше этого не говорить.

Что касается самой кухни — её я ценила больше, чем кого-либо в этой галактике и всех галактиках вместе взятых. Оттого-то и не могла улететь с планеты, выучиться в школе и стать переводчицей. По крайней мере пока. Время для всего этого ещё не пришло. О том, что оно могло не наступить никогда, я предпочитала не размышлять слишком часто или долго.

Шум в небе мгновенно перетянул всё внимание на себя. Задрав голову, невольно сощурилась из-за яркого света, ударившего по глазам. Сумев-таки выхватить расплывающиеся очертания быстро движущегося судна, я сунула руку в плотную накидку болотного цвета и нащупала гало-карту, вмещающую в себя данные о времени и днях недели не только родной планеты, но и других — в Саликс Алба.

— Странно, — пробормотала я.

В наше захолустье редко залетали судна. Сегодня — не день доставки почты, и судя потому, что успела увидеть, неопознанный объект не был грузовым шаттлом или пассажирским кораблём. По заострённой вытянутой форме можно было подумать, что к нам забрался имперский крейсер

разведки, но едва ли такое вообще возможно. Что ему делать здесь? Кого выискивать среди пасечников и фермеров? Скорее всего, я просто ошиблась.

***

— Пусть Рута [3] благословит Мирай и твои дни, деточка, — сверкая золотыми зубами старушка Тико вот уже как полчаса не выпускала мою ладонь из своих шершавых мозолистых рук.

От пожилой женщины пахло экскрементами фелидов [4] и лекарственной мазью. Я украдкой тёрла глаза, но унять жжение или сделать так, чтобы они перестали наконец слезиться, не обижая старушку, не получалось.

— Знаете, у меня ещё много работы, так что...

— Я помолюсь, чтобы богиня послала тебе такого же хорошего мужа, как твой отец.

Я скрипнула зубами, чтобы не послать старушку, и выдержала пальцы, однако желание вытереть чужой пот подавила. Смиренно уронив голову на грудь, дослушала все пожелания и буквально вылетела из дома, сконструированного по мотивам улья.

Выбравшись на свободу, стала жадно глотать воздух, будто старалась выгнать из тела все те зловония, которыми была вынуждена дышать так долго. Как хорошо, что я не пошла к Тико первой: отправиться после этого ещё и к Бруксам стало бы настоящей пыткой.

Разобравшись с доставкой, я воспряла духом. Булочная

кузины закрывалась ровно в пять, а значит потерпеть оставалось всего три с половиной часа. Так, насвистывая импровизированную мелодию, я миновала две улицы и почти свернула на торговый базар. Как вдруг перед глазами вспыхнули цветные дымчатые линии.

Втиснувшись в ближайший переулок и зажмурившись, я привалилась к тёплой глиняной стене. Я знала что увидела. Родители не раз и не два читали лекции о нитях силы, окружающих всех чувствительных. Мама твердила, что их можно почувствовать: достаточно закрыть глаза, выровнять пульс и успокоиться, отбросив всякое волнение. Однако мне не нужно было и этого. С какой-то стати я их просто видела.

Первый раз я обнаружила, что вижу нити силы в двенадцать — золотистые шёлковые ленты окружали родителей нежным вихрем и всячески ластились к ним. Тогда я промолчала. Не потому, что это было странно. Просто, если бы проговорила, то меня тут же бы отправили в Храм. Двенадцать лет — возраст пробуждения силы и начала пути всех авейр. А это последнее, чего бы мне хотелось.

Второй раз я стала свидетелем необычного явления в шестнадцать. Это случилось во время экскурсии на планете, добывающей горный хрусталь. У местного мальчишки проявилась сила будущего адепта храма Ночи. Имперские ищейки забирали его с почестью, так, чтобы об этом знали все, как и полагается. Меня мало заботило кто он или что ждало его в будущем, однако тёмно-фиолетовые нити отчёт-

ливо врезались в память.

Осторожно выглянув из укрытия, я поражённо чертыхнулась. Две высокие фигуры в плащах растворились в толпе людей. Но ранее это не было ошибкой: отголоски силы вились над головой Дэйва — местного спекулянта и пройдохи, радостно подсчитывающего кругленькие и блестящие динарии.

Щуплый и высокий паренёк с кольцом в ухе скупал вещи за сущие гроши, а потом втюхивал их по двойным тарифам. Местные предпочитали не иметь с ним дел, но иногда какой-нибудь глупец да забредал в его сети. Вот только чужаки не были похожи на идиотов.

Покрутив головой и удостоверившись, что всем плевать, я подобралась к Дэйву, загородив его собой. Скупщик ойкнул и всплеснул руками. Монеты рассыпались по земле. Он упал на колени и принялся ползать, не пропуская ни одной. Несколько динарий укатилось мне под ноги, и когда вездесущие тонкие пальцы добрались до подошв моих сандалий, Дэйв вздёрнул подбородок и со злобой зыркнул на неожиданного посетителя.

— Давно не виделись, приятель, — полунасмешливо проворковала я, наслаждаясь видом стремительно расширяющихся зрачков. Даа, нас с Дэйвом объединяло множество историй, которые я с удовольствием использовала в качестве анекдотов во время посиделок с однокашниками в баре. — Как твой бизнес? Смотрю, процветает, — я опустила много-

значительный взгляд на подобранные монеты.

— Я и-их честно з-заработал, — уж если он начал заикаться, то явно говорил правду. Или верил, что говорил именно её.

И всё же брови вскинулись в изумлении. Этот пройдоха не зарабатывал честно, даже когда трудился на администрацию поселения. Его не пугали ни пристальный надзор, ни возможное покарание.

— Кто это был и за что тебе заплатили?

— Это конфиденциальная информация, — буркнул он, поднимаясь с колен и вновь усаживаясь на низенький табурет. Раскрытый зонт, надёжно воткнутый рядом со столом, заслонял его блондинистую голову от жары, однако не защитил от подзатыльника.

— Ты что забыл, как я спасла тебя от мальчишек, у которых ты стащил гало-фоны? — ладонь повторно опустилась на его макушку. — Или память отшибло, как я тушила твой зад, когда его облили ромом и подожгли? — я шлёпнула его ещё несколько раз, пока он не захныкал протестующе и наигранно жалостливо.

— Ладно-ладно, угомонись. Больно же, — шикнул он, обиженно поджав губы. — Я не знаю их. Какие-то неместные прилетели экзотичными вещичками закупиться. Между прочим, и про булочную твоей кухни справлялись.

— Ч-что? — Я окаменела. Нехорошее предчувствие вгрызлось в каждый сантиметр тела кровожадными клыка-

стыми пастями.

— Да ты не бойсь, я им так прорекламировал вашу семью, что небось со всей галактики начнут прилетать.

Дэйв выглядел чрезмерно довольным, и у меня мгновенно зачесались кулаки. Но на то, чтобы врезать ему по физиономии, не было времени. Внутренний голос вопил об опасности. Я чувствовала, что должна немедленно оказаться рядом с кухней.

☆₊°.*☾*₊✧

Я проталкивалась сквозь толпу с бешено колотящимся сердцем.

Ту-дум. Ту-дум. Ту-дум.

Этот оглушающий звук отдавался пульсацией в голове, груди и желудке. Кучка зевак стояла перед порогом булочной, обступив её полукругом. Растолкав каждого, я ворвалась внутрь и шумно выдохнула.

Запах хлеба игриво щекотал ноздри. Я с трудом дышала через рот, сладость шоколада ложилась на язык и вызывала тошноту. Деревянные столики, в виде четырёхконечных звёзд были перевернуты или разломаны. Стулья раскиданы по всему залу. Пробираясь через завалы к главной стойке, кажется, я впервые обращалась к Руте, дабы та даровала Мирай удачи. Удачи, которая бы выгнала кухню из булочной.

Но чуда не произошло.

За стойкой, в рассыпанной по полу розовой муке, лежала она. В области живота Мирай из пяти ранок, словно остав-

ленных когтями, лилась кровь, которую я поспешила остановить. Но та, будто насмехаясь, продолжала хлестать, окрашивая мои волосы и кожу.

— Мирай...

Имя единственного родного человека вырвалось из меня гнусавым жалким хрипом.

Ресницы кузины затрепетали. Веки тяжело приподнялись, но взгляд уже не фокусировался. Из её карамельных глаз — всегда тёплых, всегда полных тихой нежности жизнь выкипала едким паром.

Холодные пальцы слабо сжали мою ладонь. Я вцепилась в них, словно могла удержать её здесь одной только отчаянной хваткой.

— З-о-о-и, — беззвучно прошептала она.

Проглотив всхлип, я наклонилась к лицу кузины и тихонько произнесла:

— Я здесь. Прости, что не успела вернуться к обеду.

Губы Мирай дрогнули в искаженной, но узнаваемой полуулыбке, что успокаивала меня в детстве.

— Не ввязывайся в переделки...

Я истерично хихикнула. Кивнула. Слезы капали на её лицо, оставляя дорожки на бледной коже.

Она нахмурилась.

— Улетай. Стань тем, кем хочешь... И молю... — каждое слово давалось ей с мучительным усилием, голос прерывался, но в нём звучала та же твердость, которой я восхищалась.

— ...береги себя.

Мирай дрогнула всем телом и обмякла в моих объятиях.

Стало так тихо. И я услышала как рвётся на части моё сердце. А потом я вопила так громко и отчаянно, что почти сразу охрипла. Но даже тогда я продолжала кричать, пока окружающий меня мир не стал бесформенным пятном.

[1] - названия послушников, чувствительных к силе Дня

[2] - Серебрум – приставка к разумным формам организма, у которых есть свой язык, подобия традиций и правил

[3] - имя главной богини, дарующей силу Дня

[4] - кошки, обитающие на многих планетах галактики

Глава 2. По пути хвори

Несмотря на то, что до нас дошли свитки, в которых ясно сказано, что Рошана, великого смертоносного змия, Оникс одолел вместе с Руттой, храм Ночи продолжает перевирать факты и утверждать о единоличной победе своей Богини Рори, Верховный писарь храма Дня

Кёррнер. «Танец песчинок». Кажется, так переводилось название этого пустынного места, где я пребывал уже четыре месяца. Подобно извивающимся змеям, дюны, от ржаво-красных до золотых, испещряли поверхность планеты вдоль и поперёк, лишь в редких клочках земли позволяя раскинуться тонким слабым речушкам. Рядом с такими реками селились племена. К ним сбегались диковинные пустынные зверьки. Вблизи одной из таких разместили и храм в честь бога Ночи — Оникса.

Четыре угольно-чёрных обелиска, совмещенных между собой мостами из вулканического стекла, уходили в небо и сияли точно застывшие молнии. Храм служил не только святилищем, но и временной базой для имперских войск. А ещё был неплохой клеткой для меня — третьего из пяти детей нынешнего Тёмного лорда и императора.

Опершись на трость, я безотрывно следил за затухающим светилом. Последние лучи нравились мне особенно. Грань,

когда ночь плавно перетягивала в свои руки права, сантиметр за сантиметром погружая всех во мрак. Завораживающе.

Тихое шуршание за спиной ничуть не взволновало. И только когда зарево вспыхнуло последний раз, заливая небо сплошь черными красками, я довольно выдохнул и едва заметно кивнул.

Тот, кто всё это время сидел, преклонив колена, поднялся. Голубые глаза с невольным восхищением наблюдали за порханием моих рук над набалдашником в виде головы кобры.

— Говори, — попросил я.

Усилием воли Геката оторвала взгляд, и на её лице появилось собранное выражение.

— Крейсер канцлера Незеры запросил разрешение на посадку.

Я развернулся к подчинённой, взятой на службу совсем недавно, и ласково улыбнулся, когда та потупила взор. Гекате было всего шестнадцать, однако не взирая на юный возраст, она уже была смертоносней многих обскур именитой Академии. И если её брата я ценил за холодный изошрённый ум, то её выбрал именно из-за силы и природной преданности, о которой она ещё сама не ведала.

— Проводите канцлера в зал для аудиенций, — после недолгих раздумий произнёс я.

Неловко сглотнув от разыгравшегося волнения, девочка кивнула и направилась к выходу.

***

— Воистину скользкий Рошан, — резкие слова женщины кипящей пеной выплеснулись в воздух, отразились от широких колонн, простирающихся вдоль лестницы на входе в зал, ударились об потолок, выстеленный угольно-чёрным самоцветом, и разбились у моих ног.

С каждым моим новым шагом в направлении треугольного стола лицо Кетуры трескалось под воздействием презрения, раздражения и оных тёплых семейных чувств. Глядя на то, как я, ребёнок великого Тёмного лорда, еле тащился по ступеням под аккомпанемент из жалкой мелодии трости, выдающиеся скулы родственницы покрывались красками негодования. И если бы не её высокий статус и вероятность того, что за нами могут следить, я не сомневался, что она с удовольствием попыталась бы сжечь меня своим дыханием-пламенем, что паром клубился из её рта и ноздрей.

— Здравствуй, сестра, — острый конец трости с щелчком воткнулся в пол. Я не без интереса окинул самого прославленного канцлера из действующей семёрки, подмечая, что не только идеальные черты, но и взрывной характер остался прежним.

В конце концов, выдержка Кетуры кончилась, и она брезгливо сплюнула прямо на пол цвета золотистых песков планеты. Не сказав ни слова, она повернулась ко мне спиной и прошествовала к одному из свободных мест.

— И я очень тебе рад, — в голосе проклюнулись мрачные

нотки, но я быстро справился с эмоциями, и к губам приклеилась отточенная улыбка миролюбивости.

— Знаю, о чём думаешь, — она сняла фиолетовую шляпу-треуголку и оставила её лежать по правую руку от себя. — Но я здесь отнюдь не из-за милости Тёмного лорда.

Разместившись на противоположной вершине стола, я позвонил в колокольчик два раза и с ловко скрытой усмешкой ответил:

— О, разумеется. О том, что Тёмный лорд немилосерден даже к своим детям, пожалуй, мне известно лучше прочих.

Позвякивая набедренным украшением на струящихся полупрозрачных бриджах, служанка быстрыми уверенными движениями разлила прохладительные напитки и удалилась.

Кетура поочерёдно склонила голову то на один бок, то на другой. Она делала это так резко, что можно было услышать неприятный хруст позвонков. Несмотря на всю порывистость её действий, ни один волосок не выбился из идеально прилизанного пучка.

Надменно расправив плечи, сестра, конечно же, не притонулась к угощению, отдав предпочтение едкому комментарию:

— Неплохо устроился. Приносят напитки там, где каждая капля на вес золота. Как ты этого добился?

Меня отправили на всеми забытую планету в расчёте на то, что я сгину если и не от голода, то от постоянных столкновений между племенами, вспыхивающих на фоне борьбы

за ресурсы. Но ни через месяц, ни через два императорской семье не прислали похоронного конверта. Я выжил, как выживал до сих пор, и с этого курса сходить не собирался.

— Выслушал. Подумал. Помог найти решение. Не слишком знакомые слова, правда?

Кетура побагровела от злости.

— Что, зажила нога, так поднабрался смелости, щенок? — её голос шипел, точно раскаленный металл в воде, а острые когти слейва [1] оставляли тонкие полосы на поверхности стола.

— Не надо, — я не отводил взгляда от сестры, но обращался не к ней.

Юркая фигура растворилась в тени неосвещенного угла зала. Негодование Гекаты, отразившееся в кривых линиях рта, грозило стать осязаемым. Этого нельзя было допустить: слишком рано для того, чтобы кто-то из семьи узнал о моих людях.

Вот только сестра восприняла это на свой счёт и сочла мои слова очередным проявлением трусости.

— Ладно. — Кетура приняла вид человека, который собирался сделать великое одолжение. — У меня не так много времени, чтобы учить тебя уму-разуму. К тому же, совсем скоро этим займутся другие люди. Может, хоть им удастся слепить из тебя того, кто достоин зваться обскуром.

Шпилька укора вонзилась куда-то в область груди. Показывать, что подобное по-прежнему задевало меня, было

сродни смертному приговору для гордости. Как назло, заныла нога, напоминая, что произошло, когда я всё же дал слабинку.

— Я прибыла, чтобы забрать тебя обратно на Эодан. Не спеши радоваться, не домой. До этой дыры вряд ли долетали вести, но в последние два месяца участились бунты. Среди чувствительных к силе Ночи зреют волнения.

Я с предельной сосредоточенностью внимал её словам. И вопреки мнению Кетуры, всегда был в курсе всего. Более того, именно моя рука причастна ко многим из восстаний. Но, конечно же, едва ли кто-то из семьи заподозрил бы меня в подобном.

— Тёмный лорд и наш император решил пойти навстречу. Люди требуют, чтобы он отправил кого-нибудь из сыновей в Академию.

«А именно Кирсана, — мысленно добавил я, — вот только отправлять нынешнего наследника, потеряв предыдущего, отец точно не рискнёт».

— Радуйся, мы выбрали тебя, — злорадством в голосе сестры можно было омыть землю в округе и сделать её плодородной. — Отправляемся через три часа. Не опаздывай.

Кетура водрузила шляпу канцлера на голову и удалилась из зала, не прощаясь.

— Радоваться, значит? — пробормотал я, скользя подушечкой большого пальца по следу капли, стекающей по гранённому стеклу. — Радоваться... — рука сжалась вокруг

стакана.

Секунда и по полу рассыпалась мириада крошечных осколков. Кадык дёрнулся на шее. Я запрокинул голову и разразился безумным смехом, в котором не было ничего весёлого. Кровь струилась по ладони со Слейвом и пачкала цепочки с рубинами, которые тянулись от колец на каждом пальце прямо к запястью. Злость и вихрь других чувств, что приходилось сдерживать каждый проклятый день, хлопотали между рёбрами, отрезали куски мяса изнутри и сжирали их.

***

Гэл нарушил уединение, когда я уже посадил эмоции на цепь и приказал ждать той минуты, когда им вновь будет можно выйти на прогулку.

— Нам с сестрой лучше отправиться после вас, — отстраненно произнёс он, что-то помечая у себя в папке.

Если кто и был прекрасно сдержанным по своей натуре, так это Гэл. Обскур не терял почву под ногами, не впадал в ярость, после которой приходилось прибираться в покоях. Готов всегда и ко всему. Но этот светловолосый юноша с пронизательной бирюзой во взгляде не был слабым или калеккой. У него не было родителей, ломающих ногу из-за слёз и всхлипов. И я считал это удачей. Уж лучше недоедать, не мыться неделями и блуждать в лабиринтах мыслей об отце или матери, чем довольствоваться набитым желудком и оборачиваться в коридорах из-за возможных несчастий с пода-

чи того или иного родственника.

«Что ж, хватит лирики», — одёрнул я себя. Вместо рас- суждений о несправедливостях этой жизни, которая, как я успел выяснить, беспощадна к любому, пора собираться. Ке- тура запросто могла выволочь меня из комнаты, если вдруг задержусь.

— Динарии возьмёшь в столе. Там хватит на расходы в дороге, — я поднялся с жёсткой глиняной постели и улыб- нулся. — В Академии делайте вид, что не знаете меня. Даже если кто-то попытается причинить вред. Встречаться будет после отбоя, в моей комнате.

Гэл кивнул, явно одобряя план. Спohватившись, он снял набедренный мешок и принялся в нём копать. Обнаружив искомое, он вдруг подошел ко мне и передал маску, которая закрыла бы верхнюю половину его лица.

— О-о-о, — протянул я с неподдельным восхищением, рассматривая маску со всех сторон.

Она была тонкой и лёгкой, как лепесток, но весьма проч- ной. Полированный металл мерцал приглушённым бронзо- вым светом, а внутренняя поверхность казалась неестествен- но гладкой, будто специально созданной, чтобы сливаться с кожей.

Гэл молча наблюдал, но в его взгляде читалось лёгкое са- модовольство — он знал, что подарок удался.

В дверь постучали. Я мотнул головой, призывая Гэла спрятаться, а сам подхватил вещи. Наверняка, пришли люди

сестры.

— В добрый путь, — уголок моего рта хищно приподнялся, но тут же вернулся обратно. Мышцы лица приняли расслабленный ничего не выражающий вид.

[1] - Чувствительные к силе изготавливают специальные перчатки -браслеты — «Слейвы» из бесцветного металла-проводника. Зачастую они выглядят как браслеты на запястьях с цепочками, которые тянутся к фалангам и крепятся к кольцам или напальчникам в виде когтей.

Глава 3. По пути бегства

Металл-проводник, из которого изготавливается слейв, не имеет цвета. Уже позднее, когда чувствительный использует Силу, металл приобретает характерный оттенок. Так, к примеру, у обскур слейв становится чёрным с примесью фиолетового, а у авейр — золотистым. Однако поговаривают, что у некоторых женщин слейв окрашивается в серебристый
Старкс, учёный из Высшей школы изучения силы

Полгода спустя.

Со смерти Мирай спокойствие покинуло меня. Днём я скрывалась и заметала следы, ночью — злилась и кусала собственное запястье, чтобы заглушить рычание и всхлипы. Я чувствовала себя слабой, растерянной, загнанной в угол.

В первые недели я ещё пыталась связаться с родителями, но их гало-фон оставался немым. Потом, блуждая по улицам одной злочной планеты галактики, по гало-экрану я увидела их лица и крупную надпись, выведенную кричаще зелёным шрифтом: «Пропали без вести».

Не успела я переварить эту новость, как на другой частоте, явно спонсируемой обскурами, вновь появились родители, но уже под иным заголовком: «Особо опасные еретики. Любому, кто увидит, обратиться на базу имперской админи-

страции».

К слову, на фотографии была и я. Из хорошего — на ней мне лет четырнадцать. Хотя и не сильно, а за прошедшие пять лет я изменилась. Отросли волосы, пропала чёлка, но особо дотошной ищейке внешние перемены — не помеха. Это-то как раз из плохого.

Введя нужную комбинацию, чтобы запереть дверь, я в несколько размашистых шагов прошла через всю комнатушку и задвинула жалюзи. Как только неоновые вывески перестали отбрасывать раздражающие блики, я упала на кровать, недовольно шикнув: на заднице появится ещё один синяк. Раскинув руки и ноги, с звенящей пустотой в голове я уставилась в потолок.

— Дерьмо-о, — глубокомысленно изрекла я и перекатилась на бок. Глаза приковались к малюсенькой розовой азалии на запястье. Мирай месяц уговаривала меня набить парное тату. Но я так упорно сопротивлялась. А теперь от кухни остался лишь этот цветок.

Никогда не причисляла себя к сентиментальным или особо плаксивым людям, но задушить в себе желание шмыгнуть носом и прикоснуться губами к азалии не смогла. Возможно, вместо барахтанья в озере жалости и самобичевания следовало отыскать тех обскур. Только я прекрасно осознавала, что это была бы самая быстрая месть из всех, что видела наша галактика.

Конечно, могло случиться и так, что меня не убили бы

в первые три минуты. Может, даже повезло бы настолько, что кто-нибудь из убийц Мирай помер бы от смеха над моей глупостью и самоуверенностью.

Вот только кухне бы это точно не понравилось. Как там она сказала: «Стань тем, кем хочешь»? М-да, никогда это пожелание и собственная мечта не казались столь неосуществимыми, как сейчас, когда приходилось жить, словно пугливая крыса.

Веки слипались. Я спала урывками, чаще сидела перед дверью, опасаясь пропустить мельчайшие следы нитей силы. Но сегодня моральная усталость столь велика, что и угроза быть пойманной отошла на второй план. Мне надо поспать, иначе я доконаю себя быстрее, чем это сделают обскуры.

***

Чьи-то руки молотили по металлу двери. Мне же чудилось, будто долбили по мозгам. Оторвав голову от жёсткой подушки, я недовольно вперилась в экран, который показывал, кто решил прийти в такую рань.

Я рвано выдохнула. Перед порогом стояли какие-то мальчишки, быть может, мои ровесники. Играть добряков у них получалось скверно, походило на то, словно кто-то схватился за уголки их рта и растянул в разные стороны. К тому же, я видела выющиеся тёмно-фиолетовые полосы над их головами.

«Обскуры», — мысль не успела появиться, как ноги уже понесли меня к окну. Высота была не шуточной, но если не

срываться, то вполне можно было добраться до чьей-нибудь лоджии.

Кнопка нажата. Стекло слегка заскрежетало, поднимаясь. Теперь дело за малым — не упасть.

Я высунулась наружу, и ветер сразу же впился в меня, рванув за полы накидки с такой силой, что я едва-едва устояла. Прижавшись плотнее к фасаду хостела, я на ощупь побрела в сторону.

— Не смотреть под ноги... Не смотреть... — приказывала сама себе. Краем уха, я уловила приглушенные мужские голоса и ускорилась.

Перемахнув через перила, я приземлилась на балкон. Тихо, но достаточно громко, чтобы внутри на секунду смолкло.

Стук сначала потонул в столах и смехе, но я била кулаком снова и снова, пока дверь не распахнулась — передо мной предстал взъерошенный парень с раздражённым взглядом, а за его спиной мелькнула полураздетая девушка.

— Надолго не отвлеку, — я прошла в центр комнаты, сразу же отыскав глазами выход.

— Можешь присоединиться, — вдруг предложил он с пьяной улыбкой. Его подружка согласно хихикнула.

Я резко отмахнулась от его протянутой руки, проскользнула мимо, высунула голову в коридор — чисто. Похоже, удача в кой-то веке решила поставить на меня.

Выдох. И я выбралась из номера, оставив позади недоумённые возгласы и смех, который мгновенно сменился но-

выми стонами. ***

Я отказалась бы описывать, как именно выбиралась, даже за мешок денариев. Уж слишком долгим и нервным выдался полёт. Но если на Зирансе — планете фермеров и родине эля — удастся перевести дыхание на пару-тройку месяцев, то это определённо стоило того.

Бредя по тропке рощицы, я иногда останавливалась, чтобы свериться с картой. По расчётам, совсем скоро должно показаться поселение. Там, среди продавцов и торговых лавок с мясом, колбасами и прочим, можно затеряться. Иллюзий я, конечно же, не строила. Меня найдут, рано или поздно вычислив координаты угнанного судна. Но пока этого не случилось, было бы неплохо отдохнуть и обзавестись какой-нибудь подработкой. Средств становилось всё меньше, а вот расходы, словно превращались в орианскую впадину, которая разрасталась с каждым годом на планете Семиморей.

Людские голоса и лязганье посуды доносились всё отчётливее, как и всякие съестные запахи. Вдалеке уже высились башенки, выкрашенные в официальные цвета Зиранса: белые и зелёные. Так фермеры отдавали уважение миру и природе, которая их кормила.

Когда из-за пышных кустов, по левую сторону, раздалось какое-то странное мычание, я крепче обхватила лямки рюкзака и твёрдо вознамерилась идти прямо. И я почти справилась.

Рошан бы побрал невесть откуда взявшееся благород-

ство!

Обуреваемая самыми разными эмоциями, я не менее твёрдо, чем секундой ранее, направлялась к кустам. Нацепив на себя колючки, пробираясь сквозь растительность, я в раздражении обвела взглядом открывшуюся полянку.

Посреди неё росло высокое дерево с довольно крупными и крепкими ветвями. На одной из таких, в путях, вниз головой раскачивалась женщина. Длинные серебристые волосы с розовыми концами свободно болтались почти до самой земли. Губы, раскрашенные в фиолетовый, мычали какую-то песенку, слишком весёлую для ситуации.

«Не буду с ней разговаривать. Не буду выяснять, как она попала в ловушку. Просто вызволю и пойду дальше», — говорила я сама себе. Но как только я взялась за толстую верёвку, чтобы перерезать, незнакомка резко распахнула глаза и недовольно шикнула.

— Не бойтесь, — кратко объяснилась я, больше для галочки, чем от искреннего желания успокоить.

Но пленница и не выглядела напуганной. Напротив, её губы искривились в оскале, а глаза вспыхнули ядовитым блеском

— Не смей этого делать, глупая девчонка.

Уголок моего рта нервно дёрнулся.

— Хотите остаться висеть вот так?

— Хочу. Ступай, куда шла.

«Вот так и помогай людям, — проворчал голос в голове,

но всё же я не спешила убирать нож. — Вдруг эта сумасшедшая и не понимает, в каком положении оказалась? Психану и уйду, а она тут помрёт с голоду. Ну уж нет. Освобожу её, а там уже, если так хочется, пускай поищет другую ловушку».

Кивнув своим мыслям, я одним быстрым взмахом оборвала верёвку и удовлетворённо выдохнула, когда незнакомка рухнула к ногам.

— Всё ещё не собираетесь меня поблагодарить?

— Можешь не верить, глупая девчонка, но нет.

Отряхнувшись от земли, она, наконец, обратила всё своё внимание ко мне. Женщина оказалась выше меня на головы две, что было весьма удобно, когда хочешь бросать вот такие уничижительные взгляды, из-за которых отчего-то на коже заплясали недовольные мураши.

Только сейчас я заметила проявление силы, кружащей вокруг неё. Я инстинктивно отступила на полшага назад, с удивлением рассматривая, как жёлтые, так и фиолетовые нити.

Словно уловив перемены в моём настрое, женщина изящно выкинула руку вперёд и обхватила мой подбородок, подставляя своему взору то одну, то вторую половину половины лица.

— Интересно, — проворковала она. — Что ты видишь?

Я шлёпнула по чужой ладошке и отодвинулась подальше от холодного металла слейва. Грубить странной незнакомке не хотелось, однако позволить кому-то трогать себя, как

только заблагодарассудится, выше моего терпения.

— Не забывайте о личном пространстве, — я немного подумала и добавила: — Пожалуйста.

— Что-то ты не вспоминала о этом, когда вторгалась в моё.

— Я вообще-то спасла вас.

— А я вообще-то не просила об этом. Так что ты мне должна.

Я буквально подавилась воздухом. Женщина была определённо старше, но огрызалась как наглая, твердолобая девчонка, только-только достигшая совершеннолетия. То есть, как я. Это жутко бесило. Иногда Мирай тоже пускается в словесные игры со мной, однако, как правило, вспоминает о здравомыслии и сводит перепалки в мирное русло. Вернее, сводила...

— Как вас зовут? — отмахнувшись от мрачных мыслей, спросила я.

— М-м, какое имя тебя интересует?

— Разумеется, настоящее.

Беседа всё больше напоминала разговор двух душевнобольных. Женщина продолжала щуриться и пожирать меня глазами. Я же продолжала ничего не понимать.

— Боюсь, его я не вспомню. Можешь звать меня Ритой.

Я открыла рот, чтобы представиться в ответ, но слова застряли где-то в горле. Фиолетовая нить силы смахнула прядь с моего лица. Было похоже, будто к щеке прикоснулся тёп-

лый ветерок. Я пыталась не коситься в сторону нити, но ничего не могла с собой поделать. Не предполагала, что кто-то способен выделывать нечто подобное. А в том, что это сотворила женщина, я не сомневалась. Вон как довольно лыбились.

Вдруг поляна ожила. Из чащи вышли трое К нам подступало трое. Мужчины в камуфляже, с дулами винтовок за спиной. На бёдрах у них угрожающе покачивались натёртые до блеска рукояти ножей.

«Браконьеры», — догадалась я.

Несмотря на то, что мясо на Зирансе было основой торговых отношений, добывалось оно исключительно на скотобойнях. Убивать тех, кто живет на воле, запрещалось законом и каралось весьма строго.

— Надо же, вместо одной унрицы [1] попало две!

Грохот их хохота, неприятно резанул слух. Скалясь, дружки огромного косматого облизывали нас с Ритой взглядами.

Страх не было — только лёгкий, колючий прилив адреналина. Трое взрослых, не очень трезвых бугаев против двоих. «Что ж, если повезёт, то удастся отделаться парочкой синяков», — мелькнуло в голове.

Скользнув во внутренний карман, я едва успела коснуться ножа-бабочки. Улыбаясь, Рита сжала моё плечо и покачала головой в жесте, что, вероятно, означал: «Не выёживайся. Я сама».

— А вот и те, когда я ждала, — голос женщины ласкал и

одновременно сочился издёвкой.

— Девки часто так говорят, ха-ха, — продолжал остроумничать всё тот же верзила.

Второй довольно поддакнул, не прекращая похабно улыбаться.

— Будете послушными, постараемся вести себя понежнее.

— Как великодушно, — уголок губ Риты опасно приподнялся, и я внутренне напряглась. — Жаль, что мне незнакомо великодушие.

Всё закончилось так быстро, и не успев толком начаться. Рита всего лишь пошевелила пальцами, словно перебрала струны гитары, и нити тут же послушно устремились вперёд, выхватили ножи из ножен и перерезали три глотки разом.

В глазах мужчин не появилось и толики осознания, а их тела уже безвольными тушами лежали на земле.

Меня потряхивало. Инстинкты вопили, чтобы я уносила ноги, разум же понимал, что от женщины с белёсыми ресницами, создающими иллюзию невинной внешности, не сбежать.

— Значит, видишь силу, — Рита не спрашивала. Утверждала.

Прочистив горло, я заставила язык шевелиться, а буквы — обрести форму.

— Да.

Признание не поразило её. Кивнув своим мыслям, она

просто отвернулась и поплелась туда, откуда я пришла. Смертоносная чудачка равнодушна миновала тела. Даже перешагивая через самого дальнего браконьера, она ничем не выразила беспокойства о содеянном. Ни ликования, ни раскаяния, в то время как меня ощутило штормило.

— Идём, — кратко приказала Рита, прежде чем скрылась в кустах.

[1] Унрица — похожа на огромную курицу с изумрудным оперением и нежнейшим мясом. И хоть на многих планетах считается настоящим деликатесом, находится под охраной ИКпоЗРЖ (Имперская Комиссия по защите редких животных).

Глава 4. По пути аколита

Из двадцати аколитов до конца обучения доходят десять. Из пятнадцати — пять. Отчего так? Математика умалчивает.

Милки, заведующий финансами Академии обскур

Мне отвели комнату брата, на этом, как члену императорской семьи, поблажки закончились. Признаться, я не рассчитывал и на подобное. Ожидал такое же сырое, крошечное и аскетичное пространство, больше походившее на тюремную камеру, как и у остальных аколитов.

Вместо этого меня встретила сферичной формы комната без окон, выкрашенная в коричневые тона, с аккуратно заправленной кроватью, письменным столом и шкафом, встроенным в стену. Освещение было скудным: несколько кристаллических ночников по углам, но так даже комфортнее.

Повезло и не повезло одновременно. Если другие аколиты прознают, какие условия мне достались, то, несомненно, захотят выместить всё свое недовольство. В лучшем случае, меня просто немного помнут. Убийства в стенах Академии запрещены, но не за её стенами.

Да и тот факт, что я сын Тёмного лорда, защиты не прибавлял. За исключением истинных фанатиков пути Ночи, большинство здесь — это напуганные дети, которых приволокли против воли. Весомый повод, чтобы невзлюбить лор-

да, приближённых к нему канцлеров и, разумеется, всю его семью. И как бы родственникам не хотелось выкинуть меня из этого списка, я — тоже Незера, к счастью или к великому сожалению.

Занятия начинались только через неделю, но аколитов собирали раньше. Как тараканов их закрывали в одном пространстве, чтобы стравить, раскалить сталь напряжения заранее, а затем смотреть, как они сгорают один за другим.

Обучение здесь, действительно, считалось одним из самых суровых и смертоносных. На родословную и статус обращали внимание в последнюю очередь, лишь сила и ум имели значение. Имея второе, мне придётся постараться, чтобы компенсировать первое.

Невзирая на то, что на улице давно стоял жаркий душный полдень, в узких коридорах, напоминающих проходы муравейника, царили полумрак и вязкий запах сырости. В бесконечных поворотах легко затеряться, во многих из них к тому же таятся ловушки. Привыкнуть и научиться ориентироваться в одинаковых грязно-красных стенах было такой же необходимостью, как еда или вода. В противном случае можно было не дожить даже до вступительной церемонии.

Я совершал вылазки каждый день по несколько раз. Там, где глазам не было за что зацепиться, делал крошечные зарубки тростью или оставлял камни-хамелеоны, которые подстраивались под окружающую их обстановку, полностью сливаясь с ней. Так к концу пятого дня я уже мог свобод-

но передвигаться по левому крылу, в правое — где разместились учителя и старшекурсники отправляться не спешил. Лучше начать исследования во время учебного года, когда снующий в проходе аколит не показался бы чем-то из ряда вон.

Закончив с обходом, я, постукивая заострённым концом трости, миновал коридор за коридором. Прислонив ключ карту к двери, слегка отодвинулся, пропустив Гекату в свою комнату. Удостоверившись, что свидетелей не было, я вошёл следом.

Несколько смущённая нахождением со мной наедине, девушка переступала с ноги на ногу и глядела исключительно в пол, хоть и чувствовалось, как ей хотелось осмотреться. Я считал её милым созданием. Тот факт, что она была на мой стороне также добавлял Гекате очаровательности.

— Ты следишь за мной.

Я ощущал её присутствие за спиной с самого первого дня. Похвальное стремление, которое, увы, несло за собой слишком много рисков.

— Придерживайся договорённостей. Вас не должны видеть рядом и тем более подозревать в сотрудничестве.

Геката резко вскинула подбородок, в жесте возражения, но увидев маску серьёзности на моём лице, тут же опустила голову и поджала губы. Она знала, что должна приходиться только, когда получит послание. Но она также знала, кто бродил в этих стенах. Не пробыв здесь и дня, Геката стала сви-

детелем убийства, о котором я знал. Неразумный аколит, вопреки запретам выходить в город в первый месяц обучения, выбрался из муравейника. Однако далеко он не ушёл. Четвёрка старшекурсников, соскучившихся по вкусу крови, утащила аколита в тень, где и попировала, преподнося эту жертву во славу Оникса.

Я не был так глуп. Да и слабым, каким считали меня многие, тоже не был. И всё же Геката хотела быть рядом на случай, если что-то пойдёт не так.

— Опустим нравоучения, — я поравнялся со столом, налил воду и передал ей стакан. — Что ещё любопытного удалось разузнать?

Брови Гекаты выстроились в одну ломаную линию. Она усиленно рылась в ящиках воспоминаниях, отбирая наиболее примечательные события. Таковых было немного.

— Два аколита покинули академию.

Я коротко опустил подбородок, давая понять, что не нуждаюсь в уточнениях относительно судеб несчастных.

— Все учителя прибыли и заняли свои комнаты, — продолжала отчитываться она. — Ректор Убис также здесь.

При упоминании последнего, я почувствовал, как лицо приобрело сытое выражение. Лиам Убис, не так давно потерявший место в семёрке канцлеров, был весьма ценным человеком. Можно сказать, что именно он посеял зёрна событий, что, несомненно, породят переполох в Империи.

«Слежка за обскуром подобного уровня сродни добро-

вольно подписанному приговору», — подумал я, присев на кровать. Слегка покачивая травмированной ногой, я рассматривал все варианты, пока не остановился на том, что для Гэла и его умения скрывать силу эта задача проблемой не станет.

— Пусть твой брат приглядит за ректором. С кем общается, что слушает, что ест, в какой позе спит — важно всё.

Случайное прямое столкновение глаз, и молниеносная реакция девушки позабавила меня.

— Слушаюсь, — Геката коснулась сердца ладонью с чёрным шипастым слейвом и поклонилась.

Опасный жест. Если бы кто-то из людей лорда это увидел, её могли бы казнить, а меня самого обвинить в измене. Однако я не попросил Гекату больше так не делать. Подобное отношение, будто бы я уже был Тёмным лордом обскур, доставляло удовольствие моей чёрной жадной душе.

Короткие синие волосы полностью скрыли лицо Гекаты, но предоставили обзор на горящие кончики ушей. Хромота и слабые навыки в силе ничего не стоили перед взором, который нуждался лишь в созерцании. Я знал, что многие девушки и даже некоторые обскуры считали меня красивым.

Я и сам нередко наслаждался гармонично сложенными людьми. Больше всего нравилось подмечать мелочи, выделяющие человека: родинки, форма глаз, изгиб губ, мягкая асимметрия или же чёткая пропорциональность. И всё же любое из этого уступало внутренней наполненности — стра-

хам, мотивации, принципам, прошлому, из которого в том числе соткано полотно личности.

— Больше ничего? — я плавно вернул разговор к происходящему в Академии.

— Нет. Разве что... — Геката оборвала фразу, передумав. — Пожалуй, это ерунда.

Геката следовала ко мне. Неожиданное столпотворение прямо по коридору заставило её скользнуть в тупиковой проём, использующийся под хранение каких-то хозяйственных мешков. Сделав мысленную пометку исследовать их позднее, девушка абстрагировалась от звуков собственного дыхания и сосредоточилась на разговорах неподалёку.

— Смеешь ходить с такой довольной рожей?

Короткая возня сменилась шумным вздохом. Геката высунулась немного и с любопытством обвела взглядом узкую спину, каждый сантиметр которой вибрировал от напряжения. Две длинные косы казались растрёпанными, вероятно, подкараулившие незнакомку изрядно помотали её, толкая или, быть может, дёргая за волосы. Их золотистый цвет не отзывался в памяти, а ведь Геката тщательно изучала гало-фотографии всех аколитов академии. И её, в отличие от двух задир старшекурсников из отряда ищеек, она не узнавала.

— Авейрское отребье, — высокая худощавая брюнетка вцепилась в лицо жертвы, даже не пытаясь уменьшить давление когтей слейва, после которых, наверняка, останутся

следы на коже. — Заставила же ты нас побегать. Смерть той бабы позабавила меня, но твоя — порадует сильнее.

Не успела Геката моргнуть, как незнакомка превратилась в безжалостный песчаный вихрь. Не задумываясь о последствиях, она толкнула Зиту Паркс и занесла руку для удара. Разумеется, тонкое запястье было легко перехвачено напарником Зиты. Это было настолько предсказуемо, что Геката даже не смогла как следует разочароваться. На что рассчитывала эта безумная, бросая вызов опытным обскурам?

— Знай своё место, авейра, — без единой эмоции в голосе произнёс Рэйтан. Разительно крупнее девушки, он скучающе взирал на неё сверху вниз. — Склони голову в знак извинения.

— Вы убили мою кузину, — яростно возразила она.

Её тон, подобно концентрированной кислоте, вполне мог прожечь кости Рэйтана, не будь он столь непробиваемым.

— Можем убить и тебя.

Она уверенно вздёрнула подбородок.

— Тем более не стану извиняться. Да и не убьёте вы меня. Не теперь, когда я тоже аколит.

— Дрянная авейра! — Зита кинулась на девушку, но Рэйтан, давно опустивший незнакомку, остановил напарницу.

— Ваш ректор поспорил бы с тобой. Или ты думаешь, он не в состоянии распознать обскура? — продолжила дерзить незнакомка.

Геката осуждающе покачала головой. Эта откровен-

ность не может закончиться чем-либо хорошим.

Мерзкий хлопок заставил Гекату опустить взгляд. Она ненавидела пощёчины, оттого невольно сочувствовала держащейся за место удара.

— Если мнишь себя обскуром, то всё равно обязана склониться. В Академии не терпят неуважения к старшим.

— Нет...

Следить и дальше желания не было. Так же бесшумно выбравшись из укрытия, Геката покинула коридор.

Я пытался более вдумчиво относиться к услышанному, но ноющая боль в ноге тянула концентрацию. Я ловил себя на отвлечённых мыслях по типу «стоит сделать компресс» или «поменять положение» и с глухим раздражением возвращал себя к рассказу Гекаты. То, что она поведала, казалось занятным, но не до конца понятным. Почему они звали незнакомку авейрой? А если та и впрямь была таковой, то как и зачем прибыла в Академию? Станет ли она помехой в планах или, напротив, сможет пригодиться?

— Разузнай о ней больше, — всё тело вдруг сделалось тяжёлым. Кровь толчками гнала боль по сосудам. — Всё, ступай.

Тяжело опустившись головой на подушку, я закрыл глаза и вымученно усмехнулся. Путь к желаемому предстоял извилистый и долгий, однако я вступил на него. Вопреки издевательствам, насмешкам и всему тому дерьму, которым меня пичкали, словно медленно действующим ядом.

Глава 5. По пути ехидны

Ощувив силу, чувствительному, вне зависимости от того авейра он или обскур, достаточно направить её в слейв. Поэтому, если вы хотите избежать неприятностей, не позволяйте прикасаться к себе. Ведь именно прикосновения разрушали города, меняли ход истории и отнимали жизни.

Натий, атеист и противник Храмов Дня и Ночи

Тащиться за Ритой по бесконечным полям к реке, помогать ей собирать хворост только затем, чтобы посидеть у костра, конечно же, не хотелось.

Возможно, мне удастся улизнуть, когда женщина уснёт? Такие, как она, ведь спят, верно?

Искося поглядывая на улыбающуюся Риту, я призвала себя к терпению. Да и, в конце концов, если бы она преследовала дурную цель, то, наверняка, перерезала бы мне горло ещё на той опушке. Это умозаключение чуточку успокаивало.

— Не бойся, — фиолетовые губы сложились трубочкой и подули на подрумянившуюся крысу.

Я непокорно вздёрнула подбородок.

— Вот ещё. Думаете, пришили парочку негодяев при мне, так я теперь буду дрожать от страха из-за вас?

— Ну, из-за меня или нет, но ты, словно напуганный кры-

сёньш, которого мы сейчас будем есть.

— Да с чего вы это взяли? — самой себе я могла сознаться во всём, но упрямо не желала признавать свои же слабости при посторонних.

Крепкие белые зубы Риты вгрызлись в костлявое на вид тельце, оторвав от него небольшой кусок на пробу. Не пытаясь сгладить звуки чавканья, женщина прожевала мясо и передала мне острую палку-шпажку.

Увидев, как я перекосилась, Рита хрипло рассмеялась.

— С чего взяла, говоришь? Эмоции устраивают на твоём лице оргии, девочка. Страхи и переживания задористо раздвигают передо мной ноги. Поэтому, если не планируешь помирать только из-за этого, советую научиться их прятать.

Я нередко использовала крепкое словцо, и всё же это не помешало откровенным формулировкам Риты обжечь кожу румянцем. Впрочем, претензии относительно выразительности собственного лица оставили меня равнодушной. Я совсем не против, чтобы люди сами видели, что я думала о ситуации или о них, казалась ли растерянной или злой. Всё это не имело значения, пока из моего рта не вылетело подтверждение.

Но вот терять время, просиживая штаны рядом с психопаткой...

Я ведь всего-навсего лелеяла надежды на мирную жизнь среди фермеров, а теперь «мирное» и «спокойное» казались такими далёкими и беспросветными, будто смотришься в

Чёрную дыру на окраине галактики. В эти секунды было как-никогда легко проклинать родителей, кузину, да и вообще всех.

— Что вам от меня нужно? — устало пробормотала я, рассчитывая на прямой ответ, который положил бы всему этому конец.

— Ничего. Но Сила думает иначе, поэтому и привела тебя ко мне.

От безысходности я возвела глаза к небу. Сила думает, как же. Сколько ещё бреда мне предстоит выслушать? Как ни крути, но вспоминая в голове лекции родителей, я не находила слов, подтверждающих, что Сила способна таким образом влиять на жизнь людей.

Чувствительный улавливает энергию, призывает в слейв и уже потом направляет её туда, к чему прикоснулся. Слышала, что некоторые обскуры могут создавать трещины на земле, крошить камни или ломать кости одним касанием, даже самым быстрым. Ни раз я становилась и свидетелем способностей авейр, которые лечили болезни или, например, создавали особые звуковые волны с помощью музыкальных инструментов.

— Глупая девчонка, — Рита разочарованно хмыкнула. — Обскуры и авейры надутые придурки, если верят, что управляют Силой, а не Сила позволяет им это. И ты будешь такой же невежей, пока не начнёшь мыслить самостоятельно.

— Что вы имеете в виду?

Женщина поднялась, изогнувшись над костром так, что оранжевые язычки могли без труда лизнуть оголённую кожу её живота, а я — ощутить исходящий от Риты аромат полевых цветов.

— Почему ты здесь, Зои? — Указательным пальцем Рита подцепила мой подбородок, заставив его поднять. Пальцы другой руки перебирали в воздухе, словно наигрывали мелодию или пытались что-то связать.

Отвести взгляд от молочных глаз с резко выделяющимся фиолетовыми зрачками было почти невозможно. И всё-таки я смогла, тут же по инерции отодвинувшись от женщины. Однако всего лишь один взмах — и цветные нити обвились вокруг моей талии и вернули на место.

— Я жду, — проворковала Рита, явно забавляясь над тенью напряжения на моём лице.

— Я... — язык набух и резко сделался каким-то неподъёмным. Мозг анализировал детали и события с невероятной скоростью, за которой я просто не поспевала. — Пытаюсь выжить.

Я глупо зажмурилась, осознав, что вот так легко вывалила правду, да ещё и той, что могла без особых усилий прекратить все мои трепыхания.

— Верный ответ, малышка — рассмеявшись, как припадочная, Рита повела рукой со слейвом, и нити послушно отпустили меня.

Почувствовав, что больше ничто меня не сжимало, я стала

дышать свободнее. Вместе с тем непонимание и адреналин смешивались меж собой, перерастая в раздражение.

— Да кто ты, блин, такая? — гневно бросила я.

Ничуть не обидевшись на мой тон, Рита подобралась ко мне ближе и мягко опустила ладонь на макушку.

— Та, кто спасёт твою задницу и научит быть ехидной, деточка.

***

— Старайся, — любезно посоветовала Рита.

Пот липкими бусинами собирался у висков, ручейками тёк по шее, задерживаясь лишь у чашечек бюстгальтера. Шёл третий час тренировок. Энергия давно иссякла, жутко хотелось мыться, есть и спать. И именно в такой последовательности.

— Медленно работаешь пальцами.

Я стрельнула глазами в сторону Риты, облюбовавшей местечко под тенью крепкого дуба. Женщина валялась на травке и беззаботно закидывала виноградинки в рот.

Когда она не воспламенилась под моим взглядом, я с чувством тяжёлого осадка неудовлетворённости в животе вернулась к своему занятию.

Тряхнув рукой, чтобы прогнать напряжение, я застонала от ощущения прохлады на коже: узенькие цепи, покрывающие всю длину пальцев, приятно покалывали кисть.

Мне нравились слейвы родителей: золотистые и аккуратные, с тончайшей выделкой, будто крылья бабочек. Несмот-

ря на то, что собственный слейв отличался от тех, что мне помнились, я не могла перестать смотреть на него с детским восторгом. Эти пластины серебра на фалангах. Это витиеватое переплетение на остроконечных напальчниках и широком тяжёлом браслете, скрывающем запястье. Я в самом деле восхищалась работой Риты, хоть и никогда не сказала бы ей об этом.

Когда соединение нитей двух цветов с треском разорвалось и хлестануло по щеке, я зарычала от безысходности. Прошло три недели с тех пор, как мне удалось хотя бы ухватиться за силу. Кто знает, сколько уйдёт на то, чтобы связать два конца вместе. Глядя на нынешние успехи, понадобится... года два?

— Говорю же, слишком медленно.

— Ты должна учить меня! — не выдержала я, притопнув ногой. — А пока только и делаешь, что критикуешь.

Белёсые брови Риты поползли вверх.

— Должна? Ну и паршивый же у тебя лексикон, козявка.

Поджав губы, я вернулась к попыткам подчинить себе нити. Однако мысли никак не желали работать в верном направлении.

Интересно, все ехидны так же мастерски играют на нервах или это только мне повезло? Признаться, я вообще не подозревала что подобные люди существуют. И если бы не видела всего своими глазами, то и не поверила бы.

«Ехидна» — слово то какое. Немного странное и колючее.

Впрочем, как и его хозяйка. Я и сама не понимала, почему доверилась незнакомке, да ещё и с такими способностями. Почему сидела за столом её древнего домика в чашобе и слушала, раскрыв рот. Ехидны не следовали ни одному из известных мне путей. Вместо того, чтобы притягивать к себе Силу только Ночи или Дня, они использовали её всю. Плетя узоры из нитей, управляя ими, подобно кукловодам, им даже не требовалось прикосновения.

Это будоражило и страшило. Неудивительно, что Рита и другие скрывались, а не открыто являли себя миру. Император не потерпит такой конкуренции. Обскуры могли бы попытаться извлечь из ехидн выгоду. Однако Авейры наверняка воспротивились бы, расценив эти способности будущим предвестником краха, символом дурной веры и тому подобным из их списка «запрещёнки».

— На сегодня закругляемся, — Рита покинула укрытие и направилась ко мне, попутно отряхивая подол алой юбки ниже колена.

— У меня ведь так и не вышло. Не рано ли уходить?

— Ты вымоталась, — добродушно высказалась ехидна.

Я сощурилась: какая-то подозрительная забота.

— А у меня закончились фрукты.

«Вот это уже более правдоподобная причина», — хмыкнула я про себя и стала собирать вещи.

***

В одной единственной комнате избушки витал полумрак.

Окна, плотно закрытые ставнями, не только не пропускали ветер или разыгравшийся ливень, но и лучи солнца. Кроме стола и самодельной кровати из одеял, в комнате было множество полок со склянками и всевозможных шкафов, от которых я непременно бы избавилась, будь этот дом мой. И хоть мне не нравилось подобное захламление, в воздухе витало нечто похожее на уют, который поджидал меня в жилище Мирай.

В камине закипал второй котёл. Сняв его с крюков, Рита долила воду в глубокую бочку, выбивая из меня довольный стон. Пар, пропитанный ромашкой, к счастью, полностью прогнал запах пота. Под воздействием зеленоватой соли, любезно добавленной ехидной, одеревенелые от непрерывных нагрузок мышцы начали расслабляться. Тело превратилось в желе, которое было готово растечься вязкой лужицей.

Я оперлась локтями о край бочки, а затем и вовсе полностью легла на руки грудью, без возражений наслаждаясь мягкими плавными прикосновениями к обнажённой спине. Рита знала толк в массаже и куче других вещей, что точно бы понравились кухне.

Ехидна делала отличные маски, после которых волосы и кожа становились настолько шелковистыми, а я сама — непривычно миленькой. Определённо, после таких процедур, я вполне могла составить конкуренцию красивейшим и любимейшим страстницам [1] Императора или чиновни-

ка-толстосума.

Рита закончила с нанесением холодной глины на кончики и нарочно плюхнула волосы мне на спину, чтобы посмеяться с крупных мурашек. Вереница этих ребят на коже из раза в раз жутко забавляла женщину. Сама-то ведь никогда ими не покрывалась. Ехидну не брал ни озноб, ни ужас, ни удовольствие.

Выпрямившись, я села и подтянула коленки к груди, погружаясь в воду по самый подбородок.

— О чём так усердно размышляешь?

Я не видела, но почувствовала, как Рита села прямо за мной.

Уставившись в одну точку, я вновь вспомнила о новости, услышанной в городе, куда отправлялась время от времени, чтобы закупиться необходимым. Мужчина, продавший мне сахар, понизив голос и состроив загадочную мину поведал об обскурах, которые посетили планету на днях.

Я попробовала аккуратно выведать о целях гостей, но мало что выяснила. Возможно, обскуры и не прилетали, а продавец просто кормил меня интересными байками, которые должны были впечатлить девушку. Однако на сердце от этого спокойнее не становилось.

Я резко закашлялась, когда Рита без предупреждения вылила мне на макушку ковшик воды. Отфыркиваясь от мыльных пузырей, недоуменно закинула голову, сталкиваясь с глазами, поблёскивающими лукавством.

— Если не глухая, то отвечать следует сразу же.

— Ещё одна великая мудрость от тебя? — съязвила я, вдоволь наслушавшись поучений за эти дни.

— Всего лишь банальная вежливость, — Рита сложила руки на груди и выжидающе изогнула бровь.

Показательно зачерпнув воды, я смыла средство с волос и только после заговорила:

— Что, если, я зря учусь техникам ехидн?

Я действительно долго думала над этим. Предположим, что нити начнут слушаться. Я сумею отбиться от одного ищейки, победить второго, но третий или десятый улизнёт, непременно растрепав о необычных способностях разыскиваемой. Тогда меня захотят убить не только из-за родителей. Или куда хуже — захотят пустить на какие-нибудь опыты.

Неприлично громкий смешок подразнил слух. Я тут же перестала вытираться и посмотрела через плечо на собеседницу.

— Ты так ничего и не поняла, да? — с наигранным видом Рита подпёрла пальцами заострённый подбородок и под цоканье покачала головой из стороны в сторону.

— Надоело понимать. Единственное, что я хочу — перестать озираться по сторонам. Но для этого мне надо вступить в ряды обскур, как минимум.

— Тогда что тебе мешает?

Я едва не задохнулась собственным возмущением и показательно потрясла рукой со слейвом.

— Да хотя бы вот это. Он серебряный. Даже имитируя техники обскур, цвет меня выдаст.

Мне казалось, что я достигла предела в удивлениях. Но глядя на то, как слейв Риты меняет окрас на чёрный, не смогла сдержать поражённого восклицания.

— Слушай внимательно, Зои. Любая женщина способна стать ехидной, хоть и не все становятся. Но если ты — ехидна, то можешь быть кем угодно. Даже обскуром, если того пожелаешь.

Винтики в голове пришли в движение. Сделаться обскуром. Стать той, кто убил Мирай. Немыслимо. Отвратительно. Безумно. И просто гениально.

С меня снимут обвинения. Большие не придётся прятаться.

[1] - Страстница — девушка, которую мужчина делает официальной любовницей. Чаще всего страстницами становятся работницы Домов Удовольствия или артистки из гильдии «Перо и искусство». Получить страстницу не так просто, как может показаться. Мужчине позволялось иметь любовницу, только в том случае, если он докажет, что способен полностью обеспечить её жизнь и уход за собой, а также потворствовать всему, что может приумножить талант и красоту девушки.

Глава 6. По пути нечестивых сделок

Аколит может объединиться с другим, если того требуют обстоятельства. Но не питайте иллюзий. Не ослабляйте бдительность и не открывайте спину однокашнику. Ведь как только представится возможность, аколит без сожалений заберёт жизнь другого аколита.
Лиам Улбис, ректор Академии обскур

Дневное время — прекрасная возможность для аколита, когда можно было потренироваться или подготовиться к занятиям. Учебные часы наступали после заката. Солнце садилось на Эодане в одно и то же время, а значит, ровно в восемь каждый обязан присутствовать там, где должен быть согласно расписанию. Слипаются ли у вас глаза, вымотались ли вы, пока стоял день, или больны — ничто не служит оправданием. Ночь — час Оникса, и если ты не принимаешь этого и не следуешь вере, то ты — не обскур. К счастью, не спать по ночам давно стало моей неприятной привычкой.

Удостоверившись, что маска надёжно сидит на лице, я, выверяя шаг, оставлял позади гигантскую чёрную стену, капканом сомкнувшуюся вокруг входа в Академию. Устав заведения запрещал посещать столицу Империи, до которой было как минимум два дня пути. Однако согласно тому же

официальному уставу, получив разрешение, аколиту дозволялось покидать стены Академии и выбираться в Аммолит — близлежащий город, где местные в основном специализировались на ювелирном деле или работали в гильдиях развлечений. Было и ещё одно ремесло — незаконное, но процветающее.

Очередная трещинка в дорожке, вымощенной красным кирпичом, и вот боль молнией распускается по всему телу. Без трости моя скорость значительно снижалась, а ощутимость ко всему, встречающемуся на пути, напротив, возрастала. С верной спутницей было бы куда проще, и всё же я намеренно оставил её в муравейнике. С ней меня могли запомнить.

Нет ничего удивительного в том, чтобы заметить аколита, покупающего яд. Убрать неудобного — в порядке вещей, главное — не попасться на горячем. В противном случае смертельное оружие изымут, а тебя накажут сотней ударов плетью, пропитанной отравой. Пытка же за мои намерения в лучшем случае приравнивалась к быстрой казни.

Я остановился. Сухой ветер трепал собранные на затылке волосы и раздражающе сдирал отмершие частички кожи. Сказалось длительное пребывание среди песков на Кёрнерре, которое и превратило покров тела в грубую и шершавую наждачку. Впрочем, скоро это пройдёт. На Эодане климат куда более мягкий и влажный.

На нынешнем расстоянии чёрные стены уже не воспри-

нимались огромными и устрашающими. Стрельчатый пик главного здания Академии, устремлённый ввысь, блеснул на солнце и, словно насмешливо подмигивал. Оценив хмыкнув, я продолжил идти.

Процент выживаемости к последнему курсу Академии учёные Высшей школы изучения силы оценивали как «недопустимо убийственный». Многие писали петиции, выступали с публичными заявлениями, но Император оставался непреклонным. Только подвергаясь жёстким испытаниям, обскур становится могущественным. Такова идеология Тёмного лорда. Такова суровая реальность всех обскур.

Поэтому родители и родственники аколитов готовят себя к худшему заранее. Но даже в самых верных и терпеливых к храму рождается негодование. Бунты, которые вскакивали, словно язвы по всей Империи, тому свидетельство. И я собирался лопнуть эти язвы, сделать так, чтобы нарывы ярости и боли покрыли гноем власть Тёмного лорда.

«Половина студентов сгинула, даже не перейдя и на следующую ступень. Как долго Император будет поддерживать Академию? Как долго он станет косить ряды детей Оникса?».

Во мне не было сомнений, что подобные заявления будут звучать из каждого гало-экрана. И если для этого понадобится убить первогодок, которые при первом же удобном случае перережут мне глотку без сожалений, то я сделаю это.

***

Высотные здания нависали над головами прохожих и закрывали собой небо, создавая иллюзию ночи. Розовые, фиолетовые, зелёные блики танцевали на не менее пёстрых одеждах бродивших по узким чистым тротуарам. Голубое свечение вывесок и трёхмерные портреты чаровниц из гильдий, кокетливо подмигивающих или посылающих воздушные поцелуи, отражались в глазах людей, словно в мутном стекле. Музыка и новости со всей Империи лились в уши бесконечным потоком. Остановившись посреди вереницы людей, я окинул главную улицу равнодушным взглядом.

Неудивительно, что аколитов, измученных сражениями и учёбой, так тянет сюда: перед глазами рассыпалось множество заманчивых приглашений. Бары, клубы, ювелирные лавки, ломбарды и дома удовольствий — всё, чего может пожелать жадная любопытная душа.

Свернув в одну из подворотен, я погрузился во мрак, который разгоняла разве что одна неисправная лампочка, мигающая каждые пятнадцать секунд. Затхлый запах и сырой асфальт под ногами свидетельствовали о недавнем дожде. А также о том, что порядок поддерживали лишь в центральных частях городка, обделяя вниманием окраины и непривлекательные для туристов и зажиточных горожан закутки.

Я продвигался среди мусорных баков и сомнительных подвальных заведений, морщась от стойкого аромата немых тел и мочи. Изнанка этого места вызвала отвращение.

Я застыл. Сузив глаза, опустил голову, наткнувшись на

грязные пальцы в оборванных митенках. Чужие руки вцепились в край моего плаща мёртвой хваткой. Я хотел вырвать одежду из лап попрошайки, как вдруг заплывшее лицо преобразилось. Всего на мгновение. Но этого хватило, чтобы я увидел проблески настоящих черт мужчины, использовавшего какую-то хитроумную электронную маску.

Потрескавшиеся губы оскалились, открыв вид на чёрные зубы:

— Поддай монету и разживёшься двумя. Отдай каплю крови и получишь кровавое море.

Сказанное, напоминало шифр. Я перебрал в голове несколько известных мне.

— Падальщик?

— Т-ш-ш, — прошипел мужчина, указывая наверх.

И на долю секунды мне не хотелось оставлять незнакомца без пристального надзора. Если я не ошибся, и передо мной действительно тот, о ком я думал, хватит и парочки ударов сердца, за которые торговец оружием и ядами оборвёт моё дыхание.

Однако гудение мотора патрульного аэро-цикла вынуждает меня бросить беглый взгляд на петляющий меж небоскрёбами транспорт, а после — отступить ближе к стене. Когда вновь стало безопасно, Падальщик сбросил маску, представ в истинном облике (или в одном из многих — в арсенале), и поманил за собой.

На бритую макушку, с татуированными драконами по бо-

кам, ложились неоновые краски. Заострённые уши проводника отвисали под тяжестью металлических заклёпок и колец, которые всё время брэнчали, раздражая.

Мы встретились не в назначенном месте. Он вёл меня в неизвестность, нарушая все договорённости. Я ненавидел непредвиденные препятствия.

— Мы ходим кругами, — холодно констатировал я, когда Падальщик в очередной раз свернул, заводя меня в тупиковый закоулок. Длинный, но узкий клочок асфальта с обшарпанными обветшалыми стенами по бокам давил и, словно нашёптывал шипящие предупреждения о том, чтобы я уби-рался.

«Не думал, что они сохранились хоть где-то», — отстранённо заметил я, переводя взор с керосиновой лампы старого фонаря в дальнем углу на мужчину. Довольно ослабившись, тот выудил из кармана сигарету и, черканув зажигалкой, закурил.

— Ну-с, лёгкая и быстрая? Или мучительная и прекрасно долгая?

— Всё изложено в заказе.

— Ясно. Не очень разговорчивый, да? — Падальщик сплюнул мне под ноги.

«Неверная стратегия поведения», — в груди дёрнулись языки недовольства. Торговец пустился в подробные разъяснения о правилах пользования отравой. Рассказывал о мерах предосторожности, симптомах, дозировке, однако я не

слушал. Всё это я уже и так знал: изучил предварительно, как и поступают люди с наличием мозга.

Жужжание Падальщика отдавалось пульсацией в ушах. Проходило по стеклу терпения.

«Плохо, — я обвёл языком пересохшие губы, чувствуя, как заходили желваки на скулах, как сердце заплясало в агрессивном ритме. В таком состоянии любая мелочь могла спровоцировать меня. Впадать в бесконтрольную ярость — последнее, что было нужно в самом дерьмовом районе, да ещё и рядом с известным преступником.

— Всё же, зачем так много пацан? Собрался травануть полгорода?

«Терпи, — приказывал сам себе. — Терпи».

Без слов забрав свёрток из рук Падальщика, я убедился в наличии товара, затем всучил торговцу денарии. Мужчина исчез в одном из секретных проходов, который, как оказалось, всё же здесь был, прямо под моим носом.

Я развернулся. Пора уходить. Подальше от голосов, запахов чужой кожи, от всего и всех. Но не успел сделать и крошечного шага. Не успел как следует вздохнуть или рассмотреть её.

Кто она? Появилась ли только что или подглядывала от начала сделки?

Я не думал, что на мне маска, и что я в безопасности. Однако отчётливо представлял, как будут хрустеть позвонки на её шее, когда я сдавлю их один за другим.

От девчонки разило силой. Будь она хотя бы капельку расторопнее, то уже держала бы Слейв у моей груди. Слева. Там, где маленький, но важный орган каждый день заставляет кровь бежать по венам.

Но она не была.

Маленькая и никчёмная, словно грызун в пасти акала. По-меха трепыхалась под пальцами, что удерживали её в одном положении. Я сжимал руку, вслушиваясь в прерывистое кряхтение. Она пыталась царапать ладонь. Пыталась хватать воздух.

Каждый волосок на теле зашевелился. Расстояние между нами наэлектризовалось. Моя злость всегда была всепоглощающей. Безумной. В моменты, как этот, когда бешенство выскальзывало сквозь крохотную щель клетки, я не был похож на свою флегматичную, осторожную версию и действовал, подчиняясь порыву.

И сейчас порыв диктовал — устранить угрозу, не дать девчонке разболтать хоть кому-либо о том, что я делал в грязном закутке. Даже если она не знала о яде. Даже если оказалась здесь случайно. За случайные ошибки тоже приходится платить.

Глава 7. По пути злого юмора судьбы

Ехидна не терзается привязанностями к мужчине. Она легко впускает любовника в постель и так же легко покидает её первой. Однако всё меняется, если ехидна встречает избранный Силой лик. Свой осколок души, без которого зеркало её жизни не станет целым.

Неизвестная ехидна с планеты Зиранс

Первые несколько секунд я провела в прострации. Это не был испуг, поскольку мозг даже не успел переварить произошедшее. Но как только я начала осознавать положение вещей, то по-настоящему ужаснулась. Слейв неизвестного обскура холодной липкой змеей свился у меня на шее, перекрыв доступ к кислороду.

Агония страха отнимала желание сопротивляться. И всё же в те болезненные мгновения меня пугала не перспектива задохнуться от чужой руки, а возможности этой руки.

Волосы на затылке взмокли от напряжения. Глаза беспомощно бегали по маске тёплого шоколадного оттенка. «Шоколадного?!» — я зажмурилась от собственных глупых сравнений. Не время стоять и ждать, пока неизвестный призовет Силу, расплавит кожу или, быть может, сразу расщепит меня на мерзкие кусочки.

Ноги сводило судорогой. Я пыталась кричать, но лишь хрипела и брызгала слюной на проблески латунной кожи из-под цепей слейва.

— Тебя сгубило любопытство, — склонившись, мужчина приглушённо нашёптывал слова, которые казались полной околесицей. Едва касаясь губами кончика уха, он словно пытался в чём-то убедить меня, а, может, и самого себя.

С лаской в голосе, он продолжал равнодушно сдавливать моё горло.

— Мне не нравится убивать. Но иногда без этого не обойтись.

«Убивать?» — повторив фразу, я отвесила себе ментальную затрещину и наконец вернулась в реальность. Я что, действительно почти сдалась? Почти позволила какому-то проходимцу оборвать свою жизнь?

Сквозь боль, я напрягла зрение и мысленно усмехнулась. Вокруг танцевали нити Силы, и я могла попробовать потянуть за любую из них.

Как и он. Это-то, что беспокоило с самой первой секунды. Отчего-то обскур действовал с помощью физической силы, вместо того чтобы притянуть ту самую, которая гораздо быстрее расправилась бы с одной непутёвой ехидной.

Я долго соображала и слишком поздно это поняла. Перед глазами сгущалась темнота. Золотистые и фиолетовые всполохи выцветали.

Не сконцентрироваться... не ухватиться...

Сила дразнила своей близостью будучи до невозможности недоступной сейчас. Я рискнула всем, выбрав путь Ночи. Неужели теперь мне уготовано сгинуть только потому, что в задумчивости я свернула в неподходящее место? На подобное я не согласилась бы никогда!

Призвав весь гнев, бурлящий под кожей, я сделала то единственное, что оставалось: пнула обскура, куда смогла дотянуться.

Острое шипение пронзило тишину пустой улицы. Шершавые ладони заскользили по моим ключицам и выглядывающему из-под сбившейся короткой блузы животу, пока, наконец, недруг не отпрянул и не оказался на коленях.

Святые Боги Дня и Ночи, я вновь могла дышать!

Бережно схватившись за горло, я отступила назад, очертив невидимую границу между собой и обскуром. Губы дрожали. В глазах щипало от не пролитых слёз боли и бешенства. Сердце грохотало на всю округу, перебивая гортанное сипение мужчины и собственные жадные глотки воздуха.

Обскур всё ещё едва ли не валялся у меня в ногах, хватаясь за коленку, по которой, похоже, я и попала.

— Чокнутый лявр![1] — проскрежетала я первое пришедшее на ум ругательство.

Хотелось разорвать мужчину перед собой. Опутать нитями Силы и насладиться видом его крови. Вот только я — не убийца. Вдобавок, всем естественном ненавидела кровь с тех пор, как искупалась в ней в день смерти кузины.

Но наказать этого психа, как он того заслуживает, я не могла не только по этим причинам. Нельзя так просто раскрывать способности ехидны. Сегодня мне уже дважды приходилось напоминать себе об этом. Первый раз чуть не совершила ошибку, когда повстречала обскур, убивших Мирай, второй — когда повстречала своего, к счастью, несостоявшегося палача.

Обидчик резко вскинул подбородок, и я увидела, как одеревенела от напряжения не скрытая часть его худощавого лица.

— Как ты назвала меня, шитти? — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Слово «шитти» повисло в воздухе, обжигая, как плевков кислотой.

Жар ударил в щёки, кровь прилила к вискам. Я застыла, широко распахнув глаза, не понимая, что шокировало меня больше... Унизительное слово, которым Кёрнеррийцы клеймили красивейших из женщин, чьё призвание сводилось к поиску приключений и соблазнению мужчин. Или поведение потоков силы вокруг меня, которые вдруг потянулись к этому ненормальному. Им не хватало только пушистых ушек и хвоста, чтобы походить на фелидов во время течки.

Как бы то ни было, отвечать я не стала. Не хватало, чтобы он запомнил мой голос. Скучное освещение могли исказить мои черты. И хоть несколько минут назад мы стояли едва ли не нос к носу, крошечная надежда, что при свете более

ярких ламп он не узнает меня, ещё жила.

В том, что мы встретимся, сомневаться не приходилось: на нём перчатка из чёрного металла, он казался достаточно молодым, а я поступила в Академию, где всё это являлось чуть ли не главным экзаменом для дозволения учиться там.

Не дожидаясь, когда обскур окончательно придёт в себя, я заторопилась уйти.

— Чокнутый шиит[2], — не выдержала я и проскрежетала напоследок, прежде чем покинула злосчастную подворотню.

***

Стоя на пороге нового жилища ехидны, я удручённо качала головой. Рита не прожила здесь и недели, а уже загромодила комнату странными вещами. Раньше в небольшом пространстве с низкими потолками были лишь: мягкий диван в форме прямоугольника, у которого будто отгрызли большую часть, два жёлтых столика и место для готовки. Теперь же благодаря с десятку светильников на потолке рассыпалась мириада звёзд, на стенах висели картины с каракулями, а по углам в клубах дыма в такт тихой мелодии покачивались чудаковатые растения с прорезьями, напоминающими рты. Они явно относились к группе серебрум, вот только к какой именно я не помнила, да в общем-то и не собиралась вспоминать.

У меня был трудный день, а ночь могла обернуться ещё невыносимее, так что мне просто необходим перерыв.

Оказавшись внутри, я рывком добралась до дивана и

смачно плюхнулась на него. Подогнув ноги под себя, закинула голову на спинку и закрыла глаза. Из груди вырвался звук удовлетворения. Неведомая курительная смесь щекотала ноздри и успокаивала. Мышцы больше не гудели, даже горящий след на щеке и синяки на шее будто бы перестали ныть.

С звучным перестуком Рита опустилась рядом. Сквозь ленивый прищур я скользила взглядом по телу ехидны, подмечая украшения, которых ещё вчера у неё точно не было. На шее, запястьях и талии, скрытой полупрозрачным пурпурным шифоном, блестело золото с вкраплениями камней цвета изумрудных вод озера Забвений.

Рита перекинула ноги мои к себе на колени и мягко провела пальцами по твёрдым икрам. Под опытными руками я плавилась, как кусок масла на солнце, довольно мурлыча под нос.

— Уже подружилась с кем-нибудь?

— Завела парочку знакомств, — ответила я, помедлив с секунду.

— Это они тебя так наградили?

Ехидна многозначительно посмотрела на чернильные следы в области горла, а после сняла с меня туфли и перешла к ступням.

— Нет, их мне оставил какой-то неадекват. Не то чтобы другие были нормальными. Но этот... — прекратив сеанс лечебного массажа, я полностью забралась на диван и обняла

себя за колени. — Обозвал меня «шитти», представляешь?

Рита хрипло рассмеялась, попросив поведать ей больше.

Следующие полчаса я рассказывала обо всём, что приключилось: как отвечала на вопросы ректора, и что скупой на эмоции обскур переменял решение только после прочтения Ритино письма; как повстречала отнявших жизнь кузины; как столкнулась с парнем в маске в переулке, как отделалась от него пинком; и, конечно же, о том, как вели себя нити, кружа над ублюдком, словно ишки над рассыпавшимися семечками солнечных плодов.

Ехидна не пропускала ни слова, с каждой минутой становясь всё более заинтересованной и ... возбуждённой? Фиолетовые зрачки потемнели, сделавшись чёрными и жуткими на молочном фоне радужки глаза.

Рита подскочила и начала расхаживать туда-сюда, иногда останавливаясь, чтобы забрать у растений дымящуюся трубку, сделать затяжку и передать ядовитую вещь следующему горшкожителю.

— Рошан меня дери, да ты просто мешок с малюсенькими костями и удачей! Какого это было? Ну же, не молчи!

— Успокойся! — рявкнула я, когда ехидна уцепилась за мою щёку и оттянула. — О чём ты говоришь?

— Что ты чувствовала, глядя на того мужчину? Твоя душа пела?

— Ага, похоронный фолк, чтобы ему приятнее убивалось. Секундное безмолвие сменилось фыркающим осуждени-

ем от ехидны.

— У нас серьёзный разговор, — укорила Рита.

— Вот именно! Ты спятила? Он ведь душил меня, — я подставила ладонь к лицу наставницы и растопырила всю пятерню, — своими этими длиннющими пальцами.

Я терялась в неожиданной реакции наставницы и собственном возмущении. Однако вместо того, чтобы окатить ехидну волной недовольства, решила всё же разобраться. Должны же быть основания для чуши, что она тут несла.

— Знаешь, скольким ехиднам из сотни удаётся повстречать свой лик? Одной, Зои. Одной.

Я безучастно пожала плечами: понятия не имею, что за чудо этот лик, но, пожалуй, один из сотни — не такой уж плохой расклад. Если в совокупности самих ехидн, к примеру, тысяча.

«Много ли таких как я, способных видеть нити?» — мозг всерьёз собирался поразмыслить над этим, если бы не воодушевление Риты, которое продолжало бить через край.

— Только представь, из всех существующих мужчин галактики ты повстречала отмеченного Силой. Повстречала свой осколок души. По-настоящему достойного тебя, самого сильного, только тво...

— Притормози, — я оборвала наставницу на полуслове и схватилась за виски. Холодные подушечки пальцев чуть-чуть приглушили раскалившуюся от вихора информации кожу. — Правильно ли я поняла, что Лик для ехидны что-то

вроде судьбоносного партнёра, отобранного Силой?

Каждый миллиметр лица Риты озарился неподдельным благоговением, когда, едва дыша, она кивнула.

— А мне выходит, что, попался бракованный?

— Сила не ошибается.

— Но мой лик пытался меня прикончить, — со скепсисом напомнила я.

Во всей этой романтической системе явно зияли просто огромнейшие дыры.

Ненавязчивая мелодия, которая встретила меня, давно сменилась на рваную и гнетущую. Замогильные звуки тубы расползались по телу тревожными щупальцами. По мере того, как Рита вдавалась в нюансы изошрённых любовных механизмов ехидн, мой настрой плашмя падал на дно.

Устав сидеть, я легла на спину и страдальчески сложила руки на груди.

Сила так потешается надо мной? Из целой сотни счастливых ехидн, именно меня она решила сделать как минимум... не такой счастливой.

Я возвела глаза к звёздному небу на потолке. Небесные тела, словно злорадно помигивали своим холодным мерцанием. Риту я слушала вполуха.

— Потребность видеться, слышать дыхание, ощущать запах. С каждым новым узлом на нитях Силы, вы будете сильнее нуждаться друг в друге

Интересно, это лечится?

— Дурная, — Рита прищёлкнула языком, когда я случайно обронила вопрос вслух. — Это не болезнь, а дар! Связь, которую не создать искусственно. Твоя природа признала его ещё задолго до вашего знакомства.

Горькая ухмылка проступила на губах и тут же исчезла. Родители и их обожатели хотели, чтобы дочь следовала идеалам авейр. Мирай хотела, чтобы кузина прожила безопасную жизнь. Сила желает, чтобы я связалась с безумцем.

Но чего хотела я сама?

«Покончить с преследованиями. Выучиться на переводчицу», — кисло ответила я внутреннему голосу. Моё сердце, действительно, стремилось к этому, вместе с тем, будто прося о большем, гораздо более выдающемся.

[1] - Ругательство, которое широко используется в племенах на планете Кёрнерр. На официальный язык Империи переводится как — «ублюдок».

[2] - Это название применяется к мужчинам, чей красотой восхищаются и в то же время проклинаяют. Считается, что шииты — демоны и порождение смертоносного Рошана, посланные сеять разврат и губить сердца всех без исключения.

Глава 8. По пути рейтинга и подозрений

*Аколит с самыми низкими показателями успеваемости может готовиться к наказанию. Аколит с самыми высокими — к непредвиденным травмам или нелепой смерти.
Лиам Убис, ректор Академии обскур*

За свою непродолжительную жизнь я не единожды встречал тех, про кого обычно говорят: «На лбу всё написано». Больно, радостно, страшно, обидно — они транслируют миру всё, что чувствуют. И это делает их уязвимыми перед людьми, вроде меня. Людьюми, что непременно запомнят все слабые места и при необходимости ударят именно туда.

Никто и никогда не скажет, что со мной приключилась беда, только взглянув мне в лицо. Однако так было не всегда.

Когда боль выкручивала каждую конечность и плавила изнутри, мне хотелось о ней кричать. Хотелось выть, стонать, драть глотку — что угодно, лишь бы показать, как сильно я страдаю. Но чем больше я стремился это показать, тем унижительнее и изошреннее становился Кассиан Незера. Не то чтобы другим детям не доставалось от него. Это не так. Жёстким тренировкам подвергались все мои братья и даже сестра. Под слоями одежды у каждого были шрамы и рубцы,

как напоминание о том, что лишь внушительные навыки Силы могут уберечь тебя от большинства ударов, от собственной слабости. И всё же из-за того, что моя связь с Силой была недостаточной, чтобы зваться Незера, мне влетало на порядок ощутимее.

Если не брать во внимание эпизодические приступы гнева, то я находил уроки отца полезными, нежели наоборот. В конце концов, возможно, только из-за каждодневных испытаний на прочность я способен быть тем, кем являюсь сейчас, способен стать тем, в чьей роли никто и никогда меня не представлял.

Как же я ждал того часа, когда Кассиан узрит, кто скинет его с вершины.

Но до желаемого далеко. Я давно осознал это и запасся терпением. Неприятности на пути — пустяк. Нет ничего, с чем бы я не справился. Вот и сейчас, находясь среди других аколитов, взволнованных ожиданием перед первой встречей с ректором, взирая на девчонку, о которой до сих пор напоминала ноющая нога, которую я пытался убить всего несколько часов назад, я оставался спокойным. Я не был настолько встревожен, чтобы что-то предпринимать в срочном порядке, однако совершенно точно испытывал всплеск раздражения от одного вида спесивой мелюзги.

Тогда на мне были маска и иная одежда. След Силы у меня настолько слабый, что мало опытному обскуру не учуять. Уверен, что она не сможет узнать меня. Но я знал, что имен-

но это проклятое *почти* не позволит пустить всё на самотёк.

Я сверлил взглядом чужой висок так, словно мог пробраться внутрь её черепушки и выяснить, что именно там творилось. В какой-то момент девчонка посмотрела на меня, и я неосознанно задержал дыхание. Всё длилось крошечные секунды. Сначала она вопросительно выгнула бровь, а потом — в глазах цвета цитринового [1] минерала расплескалась неуверенность. Или мне показалось?

Голоса смолкли. И она, как и все, перевела взор на вошедшего. Напряжение рассыпалось пылью у ног, и я полностью сосредоточился на том, перед кем расступается толпа.

В облике Лиама Убиса ничего не изменилось с тех пор, как я видел его в последний раз. Нынешний ректор Академии до сих пор оставался одним из самых изящных обскуров, с которыми мне доводилось столкнуться. Притягательность застыла в каждой холодной черте его лица. Словно высеченный из льда рукой мастера — чёткие линии, идеальная пропорциональность.

Волосы оттенка меда [2] были собраны в тугий хвост на затылке, открывая на обозрение: узкий заострённый подбородок, резко очерченные скулы и длинные уши с сужающимися кверху кончиками. И ни одной родинки или трещинки — чистейшее полотно.

Добравшись до специального каменного возвышения, на котором стоял стол во всю ширину зала, Лиам кивнул преподавательскому составу, уже занявшему свои места, и повер-

нулся лицом к аколитам. В свете фиолетовых люминофоров тонкие золотые линии, пересекающие чёрную форму Академии вдоль всего корпуса, казались грязно-коричневыми. Это будто лишний раз подтверждало актуальное отношение обскур к авейрам и искажало первоначальный смысл золота Руты, добавленного к тьме Оникса.

В галактике лишь ничтожно малая часть планет подчиняется только законам Ночи или только законом Дня. Большинство же — следуют за законом Вселенной: постоянной смене ночного сумрака и дневной ясности. Золотой вышивкой прежний Император хотел показать, что авейры — неотъемлемая часть обскур, как и обскуры — неразрывная составляющая жизни авейр. Он двигался в направлении баланса, но подобный курс не нравился Кассиану Незера. Поэтому Тёмный лорд стал первым обскурором, подчинившим себе и престол, и мировоззрение подданных.

И теперь тончайшие золотые полосы символизировали слабость всех последователей Руты перед детьми Оникса.

— Аколиты Академии Обскур, — казалось, что музыкальность голоса Лиама перенесла меня в столичный оперный театр, на сцене которого выступали самые лучшие певцы, — я не стану поздравлять вас с началом нового учебного года, ведь радоваться вам нечему. Начиная с сегодняшнего дня и до последнего, проведённого здесь, каждый будет ходить по краю обрыва над пропастью, внизу которой кроме смерти ничего нет. Вы будете рыдать, проситься к мамочке,

зализывать раны, как побитые щенята. Но вы также будете становиться выносливее, хитрее и сильнее. В случае успешного окончания учёбы вас станет непросто убить или обмануть, перед вами откроются двери в лучшие отрасли Империи. Я лично гарантирую, что всё это станет реальным. Конечно, только если вы не сорвётесь с обрыва раньше времени.

Уголки губ ректора приподнялись в ухмылке, но мне она показалась скорее горькой, чем зловещей. Среди преподавателей прокатилась волна смешков. Я коротко мазнул взглядом по каждому и почти сразу вернулся к Лиаму. После «дружелюбного напутствия» мужчина стал вещать о предстоящих занятиях, системе рейтинга и экзаменах.

Учебные дисциплины Академии делятся на четыре группы: «политика», «защита и нападение», «манипулирование» и «использование Силы». На занятиях, входящих в каждую группу, ты получаешь оценки. В конце недели на основании этих оценок выводится общий балл по каждой группе, затем четыре показателя складываются, и сумма транслируется на доску с рейтингом. Тем, кто не перешёл порог нормы, будет вменено наказание, которое определит педагогический состав. А того, кто сумел показать себя наилучшим образом, ждёт поощрение. Всё это рассказывал Гэл, но вот о экзаменах, особенно о таких, что проходят в первый же день, в отчётах не было и строчки.

— Экзамен проводится два раза в год, на специальной

тренировочной площадке «Вайлд 3000». Уникальные технологии позволяют нам воссоздать условия той или иной среды. И скажу сразу — вам эти условия едва ли придутся по душе. Работать будете в команде по двое. Ваша цель — выбраться быстрее остальных пар.

Послышались возражения. Очевидно, он это предвидел. А потому в ответ на подобную реакцию на лице Лиама лишь отразилась скука.

— На пути будут встречаться самые смертоносные создания, растения и ловушки. Помимо этого, придётся сражаться и с одноклассниками. Не каждый позволит обойти себя на дистанции. Проведём жеребьёвку. И через час жду всех у входа в сектор Б.

С непроницаемым видом ректор перечислял имена. Когда моё имя повисло в воздухе, по каким-то неведомым причинам я отыскал в рядах обскур девчонку, на шее которой оставил свои следы. Сведя брови вместе, она отвечала на мой взгляд: прямо, не отводя глаз, словно стгорая от нетерпения, и вместе с тем опасаясь услышать, кого же назовут следующим.

«Каин Незера и ...»

[1] - полудрагоценный самоцвет тёплого лимонно-жёлтого цвета.

[2] - основное жидкое топливо галактики, имеет коричневый цвет с красными нотками.

Глава 9. По пути запутанных троп и вредных растений. Часть 1.

Смелый — первый. Проиграл. Трус — отстал. И спасовал. Сильный — медлит. Глупый — пал. Кто в итоге пировал?

Загадка из детского сборника "Азбука хорошего обскура"

«Каин, мать его, Незера», — мысленно произнесла я и истерично хихикнула, мгновенно заткнув рот ладонью. Чокнутый шиит продолжал пялиться с бесстыдной расчётливостью паука-кинжалоносца, заприметившего мушку пожирнее.

Я не была идиоткой: он вынюхивал, узнала его или нет. И лучше бы я не знала, однако нити Силы не дали и малюсенького шанса остаться в неведении. Кружившие возле меня золотистые полосы неожиданно взбесились. Бросились через весь зал, огибая всех неугодных обскур, стремясь к одному единственному. Пришлось повозиться, чтобы призвать их обратно.

От напряжения над верхней губой выступили капельки пота. Я спешно провела по ним языком и сморщилась: «Со-лёно».

Как бы хотелось, чтобы всё это было лишь отвратным сном. Просто одним из кошмаров, мучивших меня после

всего случившегося дерьма.

Так ведь не бывает! Я ещё могла бы поверить во весь этот бред про истинную пару, даже невзирая на то, что *мужчина-судьба* пытался меня убить. Печально, но по-своему интригующе. Однако верить в то, что под маской душителя скрывался не просто псих, а сын самого Тёмного лорда... Нет уж, я отказывалась принимать тот факт, что хоть кто-либо в этой галактике способен настолько вляпаться.

Ректор наконец назвал второго аколита в пару Незере, и я смогла выдохнуть. Впрочем, спокойствие долго не продлилось. Когда черёд дошёл до меня, собственная фамилия прозвучала издевательски оглушительно. Десяток пар глаз приклеилось ко мне за считанные секунды.

Список, желающих меня умертвить, пополнялся не по дням, а по часам.

«Наверное, это вполне можно считать популярностью, да?» — идиотская мысль, но мысли не то, что я способна контролировать в таких ситуациях.

Многоголосый шёпот колол кожу:

«Сорайя?»;

«Отродье тех самых?»;

«Авейра...»;

«Что она здесь забыла?».

Я едва сдерживалась, чтобы не заткнуть уши руками. Отгородиться, провалиться сквозь землю, сбежать — об этом умолял беззащитный ребёнок внутри. Голос был громким,

но, к его несчастью, куда пронзительнее звучала гордость. Пускай и не до конца, я всё же понимала, куда шла. Смутно представляла, что придётся пережить, однако была готова к смешкам и презрению.

Хоть я и являлась дочкой авейр, вероятно, самых образцовых из них, по прошествии каждого дня всё сильнее убеждалась, что больше походила на обскур. Во мне жила та же брезгливость к находящимся здесь, что и у них ко мне. Тот же гнев струился по венам. Та же потребность в уважении к себе, к своей силе. То же чувство собственного достоинства, что и у Незеры, когда пару минут назад все глазели на него, желая самых грязных проклятий.

Вопреки всему и всем — пожалуйста, это то, что можно назвать между нами общим.

Приказав лицу оставаться неподвижным, я лишь надеялась, что со стороны казалась всем надменной. Лучше уж так, чем выглядеть загнанной в угол или уязвлённой.

Стоило прогреметь имени моей напарницы, реакция аколитов стала ещё более бурной.

«Что не так с Сиршей Корвина?» — подумала я, пытаюсь вычислить девушку из толпы.

«Эта выглядит слишком довольной. Эта скалится как не в себя», — я отметала претендентов один за другим, пока вопрос об исключительности Сирши не отпал сам по себе.

— Да уберёжёт меня Сила, — проворчала я, на миг позволяя себе поддаться панике.

***

После разговора с Ритой я, мягко говоря, пребывала не в духе. Скверно ориентируясь в одноипных грязно-красных коридорах, надеялась, что не опоздаю на первую же церемонию.

Очередной поворот. Всплеск фиолетовых пятен перед глазами и вот — я уже на холодном полу в предвкушении новых синяков на теле. Отряхивая одежду от глиняной крошки, мельком прошла по подтянутой фигуре девушки.

— Слепая что ли? — сквозь зубы проговорила я, закончив приводить себя в порядок.

— Так и есть.

— Чего? — я резко вскинула подбородок и тут же захлопнула рот. Тщательнее приглядевшись к незнакомке, поняла, что та, похоже, вовсе не шутила.

Девушка была яркой из-за насыщенного оттенка волос и татуировок на лице, но вполне... обычной? Однако я скоро осознала, что ошиблась. То, что я приняла за татуировки, оказалось сетью микро-проводов, имплантированных под кожу. Они огибали область под глазами и тянулись к векам, посылая импульс в мышцы, чтобы те сокращались и время от времени имитировали моргание. Правда зрение хитроумное устройство всё же не восстанавливало, позволяя различать лишь какие-то крохи окружающего мира.

Сейчас же два алых неподвижных протеза с равнодушием смотрели куда-то в пространство над моей головой. Из

круглых наушников на голове сбившей меня донесся звук какого-то ударного инструмента. Определить какого именно не успела: музыка прекратилась.

Острое желание извиниться перед девушкой-обскуром обожгло кончик языка, а потому я промямлила короткое «Извини», развернулась и зашагала в противоположную сторону.

Когда мы встретились во второй раз, перед входом на площадку, Сирша всё так же была в наушниках и всё так же смотрела куда-то в одну точку.

«Как она себя поведёт, услышав, кто мои родители?» — странно, но отчего-то это волновало не меньше размышлений о том, «а как, собственно, мы будут проходить экзамен?!».

Ехидна-лжеобскур и слепой обскур — команда мечты, лучше не придумаешь.

— Знаешь, что нас может ждать там? — проглотив ком мрачного предчувствия, я отвела взгляд от прозрачного купола и, немного задрав голову, посмотрела на напарницу.

К удивлению, девушка не облачилась в форму обскура, как все остальные, включая меня. Вместо обтягивающих чёрных брюк, тёмной кофты на запах, подпоясанной кожаным поясом, на Сирше была белая летящая рубаша, коричневые бриджи и рюкзак за спиной. Небольшой тканевый мешок болтался и на её плече. Я не особо хороша в сборах, поэтому захватила с собой лишь бутылку с водой, несколько

зерновых слайсов, фонарь да маленький складной нож.

«Этого ведь должно хватить на несколько часов?», — по крайней мере я рассчитывала на непродолжительный срок смертельной гонки.

— Не знаю, — Сирша беспечно заправила распущенные волосы за уши, — но готовлюсь к худшему. Так меньше всего удивляешься и не разочаровываешься.

— Ясно.

А я то всегда думала, что единственная настолько «жизнерадостная».

По периметру купола зажглись красные огоньки. Дверь входа, арочной формы, поднялась, приглашая аколитов войти. Внутри было пусто. Кроме стеклянных стен на полу — подвижные платформы с выгравированными серебристыми цифрами. Всего их я увидела десять — по одной для каждой пары.

— Займите свои места, аколиты, — голос ректора, словно тычком в лопатки, подогнал нас с Сиршей в направлении *девятки*.

Я не верила в приметы по типу *«раз ты девятый, то и придёшь под таким номером»*, но не отказалась бы быть пятой, например. Не успели пары оказаться на позиции, как тренировочная площадка пришла в действие. Всё вокруг загудело, затрещало, запищало прямо в перепонки. Когда звуки прекратились, показалось, будто нас поместили в металлический шарик, который вот-вот начнут трясти. От красоч-

ных картинок в голове даже слегка затошнило.

— Правила немного изменились, — меланхоличный тон Лиама из колонок усугублял всеобщую нервозность.

Как бы обскуры не храбрились, бросаясь колкостями в мою сторону, а коленочки-то подгибались сейчас у каждого. По крайней мере, мне бы этого хотелось.

— Больше никаких смертельных исходов в этих стенах. Вам запрещено отнимать жизни других пар. Только мешать дойти до конца. Однако это вовсе не означает, что придётся сладко. Честно признаться, уж не знаю, что лучше — смерть или то, что для вас подготовили. Остерегайтесь ядовитых растений, диких тварей и тех тварей, — ректор явно усмехнулся, — которые будут прятаться в тени. Покж...те... на что спосб...

Резкий щелчок колонок разрезал воздух, воздействуя на мембрану. На несколько секунд меня оглушило. В глазах потемнело. А когда зрение вернулось, я поняла, что мы с Сиршей одни. Посреди густых кустарников, диковинных, деревьев, бесконечных извилистых ветвей, покрытых мхом, и огромных папоротников, достающих мне почти до груди.

Над головами, справа, слева — везде сгущались рыки, шепет, жужжание. Ощущение стороннего присутствия не отступало ни на мгновение. В рот лезли какие-то мошки. Влаги и духота затрудняли дыхание, мешали думать. Чтобы хоть как-то отвлечься я обронила риторический, но спасительный для себя вопрос:

— Где мы, Рошан побери?

— В джунглях, полагаю.

Невозмутимость девушки вызвала у меня раздражение.

— Спасибо. Я заметила, не слепая — сухо произнесла я, а затем хрипло выдохнула. Помня о её недуге, подобные высказывания казались чуточку неуместными. — Прости.

Уголок губ Сирши дрогнул, и я была готова поклясться, что это было не что иное, как улыбка!

— Впервые встречаю обскура, который так часто извиняется.

— Впервые встречаю обскура, который, зная мою фамилию, всё равно зовёт меня обскуром.

«Да ещё и не пытается убить», — добавила про себя.

Ни с того ни с сего Сирша вдруг скинула рюкзак с плеч, выудив оттуда два платка. Один она накинула себе на голову другой отдала мне.

— Тепловой удар нам не нужен, — пояснила напарница свои действия, очевидно почувствовав мою скованность.

Дождавшись, когда я закончу, Сирша махнула головой в сторону тропки, ведущей в самую чащобу. Окажись мы в реальных джунглях, едва ли наткнулись хотя бы на одну протоптанную дорожку. А если бы и увидели такую, то точно обошли бы стороной, опасаясь местных племён. Но раз уж всё это искусная иллюзия, можно и последовать подсказке.

— Давай выбирать, Зои.

— Хорошая идея.

«Что ж, возможно, из нас ещё выйдет неплохая команда?»»

— я усмехнулась и сделала шаг.

Глава 10. По пути запутанных троп и вредных растений. Часть 2.

*Когда кто-то пытается убить тебя — выбора нет. Когда хочешь убить ты — выбор есть всегда.
Иски, послушник храма Дня с планеты Кобр*

— Гм...

Я вдавила невысокий каблук в рыхлую почву, замедляя шаг, и оглянулась на напарницу. Я уже знала, что за этим звуком обязательно последует какой-нибудь вопрос. Кто бы мог подумать, что бесстрастная Сирша окажется просто невозможно любопытной.

«А почему мы свернули?». «Почему пошла в обратном направлении?». «Почему сидим в кустах?». «Почему...».

Заплакала бы от счастья, если бы мне сказали, где кнопка выключения у этого робота-почемучки. Совершенно не хотелось ничего объяснять, однако приходилось: пускай Сирша до сих пор не проявляла враждебности, всё же вызвать у неё подозрения — затея глупая.

— Давай уже, — вздохнула я. Спустившись, я помогла обскуру на скользком склоне, гадая, что же на сей раз она спросит.

— Мы бродим несколько часов, но так и не столкнулись ни с одной парой соперников. Разве не странно?

«Не странно, если видеть нити и обходить обскур стороной», — разумеется, ничего такого я ей не ответила. Способности ехидны пришлись как нельзя кстати. Если и дальше так продолжится, мы благополучно доберёмся до финиша, и даже все руки-ноги останутся при нас. «Доберёмся», конечно, громко сказано, ведь при всей своей очевидной крутизне мои возможности не указывали на выход.

Прищурившись, я взглянула на жёлтый диск в небе, который и не думал опускаться. Влага и невыносимая жара медленно, но целеустремлённо подталкивали нас к обезвоживанию. Запасы заканчивались, как и силы.

«Сколько ещё мы сможем идти, не сбавляя темпа?» — от напряжённых размышлений на лбу вздулись вены.

— Гм...

Что-то подсказывало, что если Сирша продолжит доставать меня расспросами, то путь долго не продлится. По крайней мере, совместный.

— Я просто очень везучая. Даже моё второе имя означает «несущая удачу», — я попыталась заговорить Сирше зубы, вовремя припомнив, как совсем недавно наставница обозвала меня *мешком с удачей*.

— Как оно звучит?

— Лари, — один из вариантов перевода фразы незамедлительно сорвался с губ.

— Только беспечные люди выдают своё тайное имя.

— Какие? — задыхаясь, переспросила я и увернулась от

очередной свисающей паутины. — Беспечные, говоришь? — замерла на секунду, прислушиваясь к журчанию. — Надо же, ты угадала моё третье имя.

Отвечать Сирша не спешила. Похоже, она тоже услышала звуки воды.

***

Мутный ручей стал настоящим подарком судьбы, как и трюки Сирши, сумевшей с помощью Силы развести небольшой костёр. Огнём мы прокипятим воду от большинства неприятных паразитов и бактерий, пополним запасы питья, а после, быть может, пройдем наконец это испытание.

— Я сейчас вернусь, — убедившись, что от костра не идёт дым, я направилась в сторону папоротников. Я рисковала быть укушенной за задницу какой-нибудь змеёй, но естественным нуждам на это, в общем-то, начхать.

На всё ушло не больше пяти минут. Я уже застёгивала пуговицу на штанах, как что-то жёстко хлестнуло меня по голням.

Я застонала, рухнув на колени и подмяв под собой траву руками, чтобы хоть как-то сгладить ощущения.

— Ничего-с более мерзкого-с не видел-с, — широкие листья папоротников раздвинулись под натиском подвижных корней, и на свет показался пятилистный фиолетовый цветок с подобием морды в сердцевине.

Я позабыла о боли, во все глаза разглядывая представителя Серебрум-Дионеи. В учебниках упоминалось, что в бла-

гоприятной среде эти хищные растения могут достигать впечатляющих размеров. Но этот цветок был не просто большим, а ну обалдеть каким гигантским! Понадобилось бы пять таких, как я, чтобы сравняться с бутоном, про длину и силу корней предпочитала не размышлять вовсе.

Широкий рот Дионеи распахнулся, являя несколько рядов игольчатых зубов. Через мгновение появился и шипастый тонкий язык, которым растение водило из стороны в сторону, всем видом демонстрируя брезгливость.

— Как-с мне с этим-с жить теперь-с?

«Можно подумать, я единственная, кто справляет нужду в джунглях. Да здесь столько влаги, что он и разницы-то ощутить не должен».

Я настороженно наблюдала за всеми движениями цветка, готовясь в любой момент обороняться. Параллельно копалась в собственных воспоминаниях, выискивая что-нибудь, что могло бы помочь мирно расстаться с разумным растением.

— Даже-с есть тебя-с не хочется после-с той-с картины-с,
— плаксиво прогундосила Дионея.

Я воспряла духом: всё ещё могло закончиться хорошо. Оставалось только задобрить чудище.

— Позвольте-с улучшить вам-с настроение, — я поднялась с колен, прижала запястья к друг другу и растопырила пальцы, создавая подобие веера или в конкретном случае — лепестков.

Дионея притихла, заметив принятый у своего семейства вежливый знак. Глаза-пуговицы заинтересованно заблестели.

— Я подарю-с вам любую вещь, что есть у меня с собой-с в обмен-с на ваше прощение-с.

Два корня упёрлись в ствол. Походило на то, как если бы человек упёр руки в бока. Ещё два тяжёлых горячих щупальца прошли в нескольких сантиметрах от моего тела, так и не коснувшись.

Растение молчало, и я начала нервничать: «А не перепутала ли цветки?». Что, если Дионея вовсе не любитель тащить людские вещички в свою клумбу?

— Так-с и быть. Я приму-с в дар.

***

— Глупое растение, — ворчала я, сбавляя темп из-за натертой мозоли. Есть цветок меня не захотел: побрезговал, зато полосатый носок, который в нынешних условиях просто не мог не пропитаться потом, сразу к ноздрям потянул. — Ни за что не стану переводить для группы «Серебрум». Ни за какие динарии.

— Похоже, ты и правда удачливая, — заметила Сирша, плетясь где-то позади. — Не слышала, чтобы от Дионеи уходили без боя.

— Да уж. Изобрела рабочий метод защиты.

Пробираясь сквозь дебри, мы успели несколько раз промокнуть, обсохнуть, насквозь пропитать одежду собственным потом и опять промокнуть. Потрясающий здешний кли-

мат просто не мог не радовать. Иногда я предупреждала Сиршу об опасно свисающей лиане, проползающей змее или о диковинном звере с пятью глазами, руками и ещё чем похуже. Сирша лишь кивала в ответ: не благодаря, не споря.

Признаться, если бы не знала, то никогда бы не подумала, что у напарницы с этим какие-то проблемы. Сирша ступала уверенно, чуть медленнее, чем я сама, но всё же. За время в джунглях обскур ни разу не упала, ни обо что не ударилась. В отличие от меня, которая неожиданно споткнулась и свалилась на кочку.

— Это что, ловушка такая? — недоумевала я, раскидывая траву и листья в стороны. За всем этим мусором явно что-то скрывалось. Что-то большое. Что-то твёрдое. Что-то...

Я подскочила и обтёрла руку об штанину. Почудилось, будто я дотронулась до неприятной гусеницы или червя. Я метнула в напарницу взгляд, ожидая хоть какой-либо реакции, но та безучастно смотрела в одну точку, слегка покачивая головой в такт музыки в наушниках.

«Если бы я ещё и Силу не видела», — додумывать исход событий, которые могли бы развернуться, не хотелось.

Собрав волю в кулак, я вновь приблизилась к находке, но прикасаться не стала. Воровато оглядевшись по сторонам, я вытянула вперёд руку со слейвом и шевельнула пальцами. Нити лениво закружили над сваленными в кучу папоротником и корягами и немного погодя принялись расчищать то, что таилось под всем этим.

— Это же надо было так споткнуться, — беспомощно прошептала я, не отводя глаз от обскура-соперника. Перепачканные в грязи волосы сосульками облепили большую часть лица, покрытого неоднородными зелёными волдырями. Точно такие же, похоже, полностью покрывали и тело, если судить по открытым участкам кожи: шее, запястьям и лодыжкам.

Ректор говорил, что в этот раз смертей не будет, однако парень, растянувшийся передо мной, не казался живее всех живых. Его грудная клетка оставалась неподвижной, как и глаза, руки, ноги. Ничего. Ни единого признака, указывающего на то, что парень всё ещё с ними.

Я склонилась, обхватила широкое запястье и замерла: *нет... тишина... тишина...удар!*

— Ещё не мёртвый, — холодное утверждение над ухом заставило вздрогнуть.

Язвительный ответ почти вылетел изо рта, но я сдержалась. Сирша была права. Кем бы ни был этот парень, пока он точно не был мёртвым.

***

Здравые мысли и инстинкт самосохранения явно не могли пробиться через стену совершенно глупого и несвоевременного благородства. Зачем, вот зачем мы с Сиршей тащили этого здоровенного лба с собой? До того, как мне пришлось подхватить его под плечи и поднять над землёй, обскур не казался таким габаритным. Признаться, я вообще не дума-

ла ни о его внешности, ни о размерах, полностью сосредоточившись на измученном выражении лица и едва уловимом пульсе.

В голове застыл образ кузины. И как бы ни пыталась, тот самый момент, когда искры жизни погасли в глазах Мирай, не желал исчезать. Я понимала, что проецировала свою боль от утраты и чувство вины на совершенно чужого человека. Понимала и всё равно несла обскура-кабана, обливаясь потом и морщась от зуда.

Сколько мы уже бродит по джунглям и сколько ещё протрчим здесь, если он так и не очнётся?

— Прошло четыре с половиной часа, — Сирша опустила ноги обскура, переводя дыхание. Похоже, даже её выносливость начинала сдавать позиции.

— Как ты посчитала время? — не видела у неё часов.

— Мой плейлист почти закончился. В нём шестьдесят песен. Из них проиграло чуть больше пятидесяти.

— Ясно-ясно, — поспешила прервать поток возможного занудства, пускай и полезного. — Знаешь что, давай-ка сделаем привал. Я попробую взбодрить его. Не можем же мы вечность нести этого парня.

Сирша сбросила рюкзак с плеч и привалилась спиной к ближайшему стволу. Деревья в этой части джунглей были намного крупнее и настолько высокими, что их кроны создавали навес, который препятствовал солнечному свету и создавал иллюзию ночи.

Пока напарница отдыхала, я размышляла, с какой стороны подступиться к проблеме «друга». Я не изучала лекарское мастерство авейр, но пару раз присутствовала при лечении больных и видела, в какой рисунок переплетались нити. Стоит попробовать его повторить.

Я призывала к слейву как можно больше тонких золотистых полосок, как вдруг...

— Гм...

Я закатила глаза.

— Как ты собираешься ему помочь? Ты хоть знаешь, что с ним? — вопросы посыпались незамедлительно.

— Он отравлен, — я прикоснулась подушечками пальцев к крошечной ране на правой стороне шеи. — Может, какое-то насекомое укусило его. Может, растение. Здесь полно шипастых ребят.

Нити волнами покачивались вдоль всего тела парня, неспеша свиваясь меж собой, выстраивая замысловатые узоры.

— Тогда вернёмся к первому вопросу.

— У меня есть с собой средство.

— Какое?

— Особое.

— Откуда?

— Где взяла, там уже точно нет. Так что перестань отвлекать меня!

Я зашипела, когда нити, завязавшиеся узлом, разорва-

лись и окатили меня болезненной волной. Перевела взгляд на Сиршу, но та не подавала виду, что почувствовала этот всплеск.

«Пронесло», — я выдохнула с облегчением и повторила предыдущие манипуляции с Силой. Я не знала, как долго занималась этим, но в конце концов пятна на лице обскура стали бледнеть, а грудная клетка — мерно вздыматься.

Оставив парня приходить в себя, я поравнялась с напарницей, обессиленно стекла вниз и приложилась головой к её плечу. Я так вымоталась. Сил не было даже на то, чтобы подумать, как Сирша расценит подобное фривольное поведение.

— Гм...

— Вся в нетерпении, — я ухмыльнулась и закрыла глаза. Держать их открытыми совсем не хотелось.

— Он сделал бы иной выбор.

— Знаю.

Скорее всего, мы и слов благодарности-то не услышим. Но бросать кого-то на верную погибель? Я не могла так поступить. Во всяком случае, пока человек не попытался убить меня.

Глава 11. По пути эмоций

*Под звёздным небом дюны бороздя, искал покоя,
но нашёл тебя.*

*Первая строчка из сборника неизвестного
Кёрнеррийского*

С равнодушным видом Гэл проводил Сорайя глазами до самого выхода из зала, а после обратился ко мне:

— Убить её?

С тех пор как все имена были объявлены, он держался подле меня в качестве напарника по экзамену и, конечно же, он не мог не заметить игры в гляделки между мной и девчонкой.

— Не стоит.

Несмотря на то, что на лице Гэла этого не отразилось, я знал, что своим ответом выбил из-под его ног почву.

— Вы сочувствуете ей?

Губы изогнулись в насмешливом жесте. Если бы я сострадал всем, кого презирали, за кем охотились и кого хоронили одним только взглядом, у меня не осталось бы ни времени, ни сочувствия для себя самого.

— Ошибки любят спешку, Гэл. Нет необходимости устранять её сейчас. Нам нужна смерть того, кто вызовет резонанс.

Беззаботный мужской смех притянул моё внимание.

Несмотря на то, что искренняя дружба для обскур была чем-то недоступным, укреплять связи с именитыми семьями — приветствовалось. И, похоже, единственный сын генерала Имперских воздушно-космических сил успешно справлялся с тем, чтобы быть душой компании и идеальной мишенью для моих планов.

***

Мы очутились в самом сердце джунглей. Под пологом высочайших деревьев. Наедине с самой природой, метровыми пресмыкающимися, заразными насекомыми, жаждущими крови, и не менее кровожадными аколитами. Один из последних пробирался сквозь густую заросль папоротников, безотрывно следя за мной.

Долговязый беловолосый обскур скалился, демонстрируя белизну зубов, и словно раздумывал, с чего начать диалог. Позади него едва проглядывал совсем молодой парень с копной рыжих волос и россыпью коричневых веснушек на круглом лице.

Я один, и бой нежелателен, однако я был готов. Гэл отправился на поиски цели, пока я перетягивал взоры на себя. Каждый выполнял свои роли, что, как я надеялся, в конечном итоге принесёт успех.

— Так-так, стоит ли нам сразу пасть ниц перед вами, господин Незера?

Говорящий чувствовал себя в безопасности, ведь они стояли в радиусе действия слейва, а значит, аколит мог напасть

в любой момент. Впрочем, приступать к драке никто не спешил.

— Я не прощу себя, если столь замечательная форма будет испачкана по моей вине.

Как правило, противники всегда сыпали острым словом вначале. Но я дам им шанс.

— Я не претендую на первое место, господа. Мы можем сразиться, а можем разойтись, и так вы не потеряете времени.

— И правда, давай уйдём, Люк. Быстрее пройдем испытание, — в робких словах юноши был толк, к которому, к сожалению, его напарник не прислушался.

— Заткнись, Микки. Уйти и упустить такую возможность? Поломать самого Незеру — да это лучший подарок ко дню рождения, приятель!

Они перепирались ещё некоторое время, пока мне не надоело.

Трость легко легла в ладонь, словно сама рвалась в бой.

Первый удар — в челюсть.

Хруст.

Второй — в предплечье той руки, на которой у соперника была перчатка.

Водворилась тишина.

Микки в ужасе отступил и тут же повалился на зад, запнувшись о лиану.

Вцепившись в щеки самоуверенного обскура, стонущего,

взирающего на меня с шоком и болью, я огорчённо покачал головой.

«Форма всё же запачкалась».

Я сломал Люку плечевую кость, и теперь слейв для обскура — не более чем красивое украшение. Потеря возможности призвать Силу всегда дезориентировала оппонентов. Их уверенность таяла, они становились беспомощными. И что бы там ни думали себе отец и братья с сёстрами, меня эта уязвимость обошла стороной. Пока все чувствительные целиком и полностью полагались на Силу, я искал варианты.

— Поистине трагедия — иметь потенциал, но не уметь им пользоваться, — холодно произнёс я, сильнее вдавливая пальцы в кожу стоящего передо мной на коленях.

Хищно повернув голову в сторону шуршания травы, я позволил каменным мышцам расслабиться. Ещё один обскур не собирался вступать со мной в противостояние. Это слишком отчётливо читалось по его лицу.

— Микки, да?

Юноша осторожно кивнул, не переставая отползать дальше.

— Уходи. Ты всё ещё можешь пройти экзамен.

***

Следующие часы прошли в движении. Несколько раз я подступал к опасной грани гнева, однако угроза смерти всегда вовремя тушила разгорающиеся угли. Встреча с Гаваном — огромным человекоподобным приматом с приплюснутой

мордой и острыми когтями — подарила мне новые раны, которые не прекращали доставлять дискомфорт. Казалось, что кто-то обмакнул язык в соль и теперь с изощрённой тщательностью водил им по порезам.

Меня душила Гоая, скользкая ползучая тварь, обитающая лишь в мутных глубоких реках, которых было здесь не счесть. Мне пришлось зайти в воду, чтобы остаться незамеченным. Не все из аколитов были идиотами, и не всех их можно было одолеть так же легко, как Люка. Именно в тот момент змея обернулась вокруг туловища, пытаясь вовлечь в свой смертельный танец. Грязная жидкость почти заполнила лёгкие, но в последний момент я всё же извернулся, сумев призвать хоть сколько-либо Силы.

Со мной случилось множество неприятных инцидентов сегодня, но самым гадким и абсолютно обескураживающим стал миг, когда я столкнулся взглядами с девчонкой, на плечо которой опирался бледный *Тиньяр Торн*.

Я не слушал речь ректора. Мне было плевать, что прошла целая ночь. Плевать, кто оказался первым или скольким из аколитов необходимо пройти в лекарский сектор. Единственное, что волновало: «Почему Торн, любимый сын, чья смерть разбила бы сердце генерала, до сих пор дышал».

— Как это понимать? — едва сдерживая бешенство, проскрежетал я.

С неизменным спокойствием Гэл пожал плечами. И всё же в его голосе промелькнуло удивление:

— Я лично убедился, что яд попал в его тело.

Прежде Гэл никогда не подводил. В его безупречной исполнительности я не сомневался и на сей раз. Однако факт оставался фактом. Генеральский отпрыск жив.

Я сузил глаза, наблюдая за реакцией девушки на попытки Торна пошутить.

«Должно быть, это она».

Я не знал, как ей удалось удалить яд из организма в полевых условиях, но был твёрдо намерен это выяснить.

***

Белые люминофоры на круглом потолке едва справлялись с тем, чтобы разогнать мрак комнаты. Стоя на пороге чужого жилища, я медленно водил взглядом по скупо обставленному пространству. Узкая, совершенно неудобная на вид глиняная кровать в одном углу, продолговатая стойка-стол во всю стену у противоположной стены — вот и всё, что здесь находилось.

Я понимал, что у неё попросту не было времени, чтобы превратить этот безжизненный замкнутый клочок территории в более комфортное место. Однако рассчитывал найти здесь нечто, что указывало бы на то, каким человеком она была. Что-то, что ей нравилось, чего она боялась или что скрывала.

Прикрыв глаза, я воссоздал в памяти её лицо. Под пристальным обжигающим вниманием всех в зале девчонка держалась уверенно. Насмешливый изгиб розовых губ, эти рас-

правленные плечи — она бросала обскурам неприкрытый вызов, из-за чего я терялся в догадках, кого нынешние аколиты ненавидели больше: сына Тёмного лорда или дочь известных авейр.

— Сорайя. — Пускай это и было похоже на то, словно в рот сунули улей с карликовыми пчёлами, жалящими его изнутри, язык охотно перебирал звуки её фамилии.

В задумчивости я добрался до её помятой постели. Откинув край пледа, несколько озадаченно согнулся над прячущейся под ним одеждой.

«Кажется, именно эта блуза была на ней в том переулке», — по крайней мере, мне казалось, что это была она.

Я поднёс блузу к носу и медленно вдохнул запахи, которые она хранила в себе.

Шафран. Горячий, красно-золотистый, как пески.

Миндаль. Сладкий и горький одновременно.

А ещё какие-то знакомые специи, которыми часто приправляли блюда в пустыне, и чистый бархатистый аромат мускуса.

Тело отреагировало раньше разума, посылая горячую волну к паху.

— Что за дерьмо, позволь узнать, ты творишь?

Злобное шипение вынудило меня выпрямиться и отнять мягкую ткань от себя. Ярость, непонимание, опасение, страх, интерес — никогда не видел, чтобы во взгляде пылало столько эмоций за раз.

— Ты приятно пахнешь, — пробормотал я, словно это объясняло всё.

Её рот приоткрылся. Она наставила на меня указательный палец и гневно затрясла им в такт произносимым словам.

— Я сразу поняла, что ты чокнутый на всю голову, но чтобы настолько!

Зрачки Сорайи расширились, она моментально осознала свою оплошность. «Чокнутый». Так она назвала меня тогда. Играть в непонимание больше не выйдет.

— Клянусь, я перережу твою глотку, если посмеешь сдвинуться хотя бы на миллиметр с места, — вновь зашипела она, когда я всего-навсего изменил положение трости.

Сколько раз меня запугивали чем-то подобным? В какой-то момент просто перестал считать. Однако, признать-ся, её слова породили во мне неизъяснимое предвкушение, нежели гнев или испуг.

— Чтобы претворить угрозу в жизнь, как минимум понадобится быть ближе, — я усмехнулся, заметив её крошечный шаг назад. — Ну же, маленькая шитти, подойди ко мне.

Она дышала рвано и часто, как раненый зверь. Смотрела исподлобья, не решаясь предпринять хоть что-либо. Она остерегалась. Боялась. Это можно было использовать.

— Я оказалась на твоём пути случайно. Слышишь? С-Л-У-Ч-А-Й-Н-О. Я ничего не видела. Я — не угроза, — она почти хныкала, пытаясь донести обрушившееся на неё злоключения судьбы.

Дослушав до конца, я понимающе опустил подбородок, ведь склонялся к этой версии. Не считая запрет на убийства в стенах, я ничего не предпринял и по этой причине тоже.

Я был готов закрыть глаза, если бы она только не помешала вновь. И на этот раз её проступок был куда серьёзнее, чем просто поворот не туда.

Однако сколько бы не размышлял на эту тему, я знал, что обстоятельства связывали руки. Намерение разузнать о яде и генеральском сынке способно обернуться против меня. Сорайя вполне могла соотнести моё нахождение в злачном местечке и осведомлённость об отравлении Торна. Могла донести ректору или ещё кому-нибудь.

«Как заноза, которую никак не удаётся вытащить», — стоило подумать об этом, как дремлющее бешенство дало о себе знать. Приятный запах превратился в навязчивый, а маленькая фигура перед глазами вызывала только одно желание: пересчитать каждую косточку в этом хрупком теле.

Я сжал зубы, заставив себя не делать этого.

Она молча шагнула в сторону, прижимаясь к стене, будто даже прикосновение воздуха между нами было ей отвратительно.

— Больше никогда, — её голос звенел, как натянутая струна, — не трогай меня. Не говори со мной. Не смотри в мою сторону.

Пауза. Глаза — два узких лезвия.

— И даже не думай обо мне.

Я намеренно замедлил шаг, проходя мимо. Остановился. Вдохнул её запах: гнев, пряности, что-то ещё

— Столько правил, — проронил я, удерживая её взгляд.

Будь это просто страх, я бы понял. Но она уже доказала, что может постоять за себя. Значит, дело в чём-то другом.

«Чего ты боишься на самом деле, Сорайя?»

— Ты не упомянула обоняние. Значит дышать тобой пока разрешено?

— Смотри не задохнись, шиит, — мгновенно ощетинилась девушка.

Когда дверь за спиной разделила нас, я поморщился. Странное сосущее чувство где-то в желудке обескураживало. Хотелось надавить на живот, чтобы прекратить это, но я остановился, заметив, что до сих пор сжимал тряпку в руке. Блузка уже впитала тепло моей кожи, но пахла только ей.

Я больше ни за что не хотел бы видеть девчонку.

Но знал, что точно увижу. И это было хуже всего.

Глава 12. По пути ложной безопасности

Переписанное прошлое и туманное будущее подталкивают обскур в направлении спящего настоящего.

Рори, Верховный писарь храма Дня

«Когда порождения Рошана нарушили покой Галактики, Оникс и Рута наделили людей Силой, дабы остановить демонов и предотвратить хаос. Рута, считавшая, что нет ничего весомее слов и мира, одарила чувствительных способностями восстановления. Когда как Оникс научил людей сражаться. Давать отпор всякому, посягнувшему на их безопасность».

Я подавила зевок. Честно пыталась держать глаза открытыми, но убаюкивающий голос наставника вкупе с поздним временем суток так и умоляли поддаться и вздремнуть.

«И почему обскуры учились по ночам, а не как все нормальные люди?»

«Может, потому что все обскуры чокнутые?» — ехидно подсказал внутренний голос, ничуть не улучшив настроение.

Как можно незаметнее я покосилась на парня, сидящего впереди через несколько рядов. Сама же я заняла место на самом верху амфитеатра, чтобы иметь возможность видеть и

изучить каждого однокашника. Однако вместо этого вот уже как сорок минут только и делала, что разглядывала обскура, который, возможно, ещё не раз попытается меня убить. Обскура, который был моим Ликом. Обскура, который нюхал мою одежду

Застав в своей комнате гостя, я была готова провалиться сквозь землю или навсегда затеряться где-нибудь в джунглях.

«Как Незера попал внутрь? Могли ли другие аколиты так же легко забраться ко мне? И как теперь прикажете беззаботно спать?»

Я предприняла попытки достучаться до шиита. Нам нельзя находиться в обществе друг друга. Мы не пробыли в одной комнате и нескольких минут, как нити Силы пришли в неистовство. Его фиолетовые ленты начали заигрывать, ластиться и вести себя просто ненормально с моими лентами. В какой-то миг те и вовсе стали переплетаться, завязываться между собой узлом. Нельзя этого допускать.

Я тяжело вздохнула, чем мгновенно привлекла внимание Сирши и ещё одного аколита. Тиньяр — этот навязчивый обскур, который никак не мог понять, что «спасение» не равно «дружбе».

— Я Тиньяр, — воскликнул парень с пружинистыми светлыми завитками на голове после того, как узнал о своём спасении.

Широко улыбаясь, он продолжал разбрасываться вычур-

ными фразами благодарности, крепко сжимая мою кисть.

— Такие добряки, как мы, просто созданы быть друзьями!

Его сладкую улыбку хотелось запить. Я не выжила из ума, чтобы верить в это и тем более искать друзей среди тех, в чьих разумах сеяли отвращение к авейрам с детства.

И хоть я не следовала по пути Дня, одной фамилии «Сорайя» уже было более, чем достаточно, чтобы ненависть вспыхнула и начала сжигать всё на своём пути.

— Ты больна? — Сирша с любопытством склонила голову.

— Нет, — прошептала я так, чтобы наставник не услышал.

— Тогда ты влюблена! — Тиньяр поиграл бровями.

Некоторые аколиты повернулись в нашу сторону, не пытаюсь скрыть, что подслушивают. Каин тоже бросил короткий взгляд на нас, и я тут же впилась ногтями в щёку Тиньяра, резко дёрнула его к себе.

— Прекрати нести чушь, — прошипела ему на ухо. — Иначе в следующий раз, когда тебя отравят, прежде чем спасти, я подожду, пока яд доберётся до языка и заставит его отвалиться.

Бледные скулы обскура мгновенно вспыхнули румянцем, глаза восхищённо заблестели.

— Клянусь, что отплачу тебе за доброту. И первое, что я сделаю, — Тиньяр таинственно улыбнулся, — помогу тебе

сблизиться с лордовским сыном.

«Это он что, так угрожает мне?» — мысленно возмутилась я, твёрдо для себя решив, что больше не буду вызволять из беды хоть кого-либо: до сих пор благородные порывы выходили боком.

***

Учёба в Академии оказалась не настолько скверной, как то рисовало воображение. Большинство аколитов помешались на рейтинге, и у них попросту не оставалось времени на кого-то вроде меня. Кроме косых взглядов и уничижительных фразочек, серьёзных столкновений пока не случалось. А так как выбиваться в лидеры я не стремилась, посчитав тактику «тихо, но верно» самой подходящей, опасным противником меня не воспринимали. Возможно, не крутись рядом брызжащий во все стороны энергией Тиньяр и слепой гений Сирша, о существовании Зои Сорайя и вовсе позабыли бы. Но подобный расклад был бы слишком хорошим, не так ли?

Впрочем, отлёживаясь днём в постели, самой себе я признавалась, что компания этих двух обскур привносила в будни краски и помогала игнорировать зверский голод, который не утолить, сколько бы еды из пайка я ни съела. То был дикий голод до человека. Человека, которому ещё несколько дней назад я запретила приближаться к себе.

И что теперь? Хватало одного взгляда, одной крошечной мысли о нём, чтобы кожа вспыхнула болезненным румянцем, а все органы чувств зажили собственной жизнью. Меня

бросало в пот. Меня пробивал озноб. И всё это случалось во-все не из-за какой-нибудь диковинной болячки. Мозги превращались в кашу, когда я всего лишь сталкивалась глазами с Незера или случайно оказывалась с ним за соседними столами в столовой.

Я ненавидела дрожь, которая заставляла подгибаться колени, если он был поблизости. А когда он ронял звуки своего голоса, как какие-то лунные жемчужины — редчайшие и прекраснейшие из жемчужин в Галактике, — я приходила в неистовство.

Выглядело так, будто Незера и впрямь оставил меня в покое, однако я всё равно считала, что он продолжает издеваться, неизменно навещая во снах каждую ночь. И если раньше в видениях тонкие жилистые руки, отливающие латуню, перекрывали доступ к кислороду, смыкаясь на шее, то теперь пальцы шиита вырвали из горла хрипы совсем по иным причинам.

«Боги Дня и Ночи, я схожу с ума»

— Сегодня тебе лучше не спать. Посвяти часы тренировкам.

Я отвлеклась от учебника и подняла взгляд на Сиршу. У нас был небольшой перерыв между занятиями по политике и использованию Силы. В это время мы или ждали в классах, или приходили в зал для тренировок (что случалось чаще).

Обычно я переводила что-нибудь из манускриптов, пока Сирша подтягивалась на турниках, качала пресс, прыгала —

в двух словах, занималась «укреплением тела». В общем-то, я уважала эту тягу к физическому совершенству. Даже чуть-чуть завидовала, ведь сама поддерживать интерес и концентрацию к подобного рода вещам едва ли была способна.

— Не знаю, как тебе, но мне сон необходим так же, как и чистая вода или еда, — проворчав, я потянулась к затёкшей шее и принялась разминать её круговыми движениями.

— Когда на тебе нет живого места, много не съешь.

Коленки, которыми я болтала из стороны в сторону во время чтения, напряженно сомкнулись. Словно почувствовав моё волнение, нити Силы слегка задрожали.

«Неужели я поторопилась с выводами, поместив Сиршу в самый конец списка врагов?»

— Завтра начнутся первые спарринги, — объяснила она. — Старшие аколиты выбирают себе противника. А ты... ты что-то вроде желанной добычи. Каждый попытается оторвать от тебя кусок, чтобы похвастать им, как трофеем.

Сирша не пыталась быть мягкой, но так даже лучше: дни, проведённые в относительном спокойствии, заставили меня поверить, что я окружена толстенными стенами, через которые никому не удастся и не захочется перелезть. Теперь же я видела, что фундамент этих стен строился из камней, испещрённых трещинами и наивностью.

— Ну и как проходят эти спарринги? Пока кто-то не сдастся первым?

— Не потеряет возможность продолжать.

— Имеешь в виду — отключится от боли?

— В том числе. Но тебе это не грозит.

«Ну, конечно, меня будут терзать как можно дольше. Грёбанные садисты».

Дальше Сирша начала рассказывать о эффективных приёмах: как правильно сгруппироваться, чтобы было не так больно, или как бить посильнее. Часть про то, как не захлебнуться собственной кровью, запомнилась мне особенно.

Подбадривать других — явно не самая сильная сторона Сирши, но я всё равно чувствовала благодарность. Возможно, напарница по экзамену была единственной, кто пытался помочь. Ладно, был ещё и Тиньяр, который, к слову, последние дни вёл себя крайне спокойно.

«Может, готовится к предстоящим боям?»

Подумать об этом ещё немного не удалось, ведь Сирша решила не просто рассказать о приёмах, но и продемонстрировать их на практике.

***

В комнату я скорее вползала, чем входила на своих двух. А всё потому, что Сирша вздумала сделать из меня обскура-ищейку, не меньше. Вот только слепить из меня машину-убийцу едва ли возможно за парочку часов. Но что бы я ни говорила, неугомонная напарница только и повторяла: «Быстрее. Сильнее. Увереннее». В этом она сильно походила на ехидну-наставницу.

Добравшись до кровати, почти не чувствуя тела и одно-

временно ощущая каждый синяк, я уткнулась лицом в покрывало. Так пролежала некоторое время, пока рукой не нащупала кусок бумаги. Приподняв подбородок, я уставилась на листок, словно на ядовитое растение. Кто-то вновь пробрался в моё пространство и оставил записку.

Затылок взмок от напряжения, пока я медленно подбиралась пальцами к посланию. Наконец, развернула лист и вперилась взглядом в буквы.

— Идиот, — произнесла я, спустя мгновение, когда разобрала знакомый размашистый почерк.

Тиньяр писал о том, что сегодня душевые будут свободны. С первых дней обучения Академия отбивала у аколитов чувство стыда и приучала адаптироваться к тем условиям, что их окружают. Один из методов — совместные процедуры гигиены. Хочешь мыться — делай это со всеми, не забывая держать Слейв или кинжал поблизости. Именно поэтому я не стану высказывать Тиньяру о незаконном проникновении на мою территорию. Я слишком давно не мылась. И дело вовсе не в стеснении. Сирша и Тиньяр звали с собой, обещая прикрыть, но, как бы мне ни нравились эти двое, я не могла доверять им полностью.

Собственно, я не должна доверять сведениям Торна и сейчас. Но терпеть собственную вонь уже не было сил. Умирать я не собиралась, но ведь никто не может знать — вдруг это моя последняя возможность нормально помыться?

Глава 13. По пути затаённой гордости

Истинный лидер не забывает о гордости.

Истинный лидер знает, когда её усмирить.

IV Император галактики Саликс Алба

Капли чертили ледяные узоры по спине, груди, икрам. Волосы густой шторкой ниспадали на глаза и лицо. Я стоял, оперевшись ладонями в такую же холодную, как вода из лейки, стену, и наслаждался тишиной в голове. Кожа покрылась мурашками, кое-где уже даже свело мышцы, но я и не думал о том, чтобы уйти.

— Что ты здесь делаешь? — резкий вопрос Гэла разрушил приятный вакуум мыслей.

— От меня воняет. Я почти голая. А здесь — душ. Давай-ка подумаем над этой загадкой вместе? — в каждом звонке звенело напряжение, которое говорящая всеми силами старалась скрыть.

Разряд тока прокатился по телу: я узнал её. Закрутив вентиль, скользнул мокрым телом в халат и, не запахивая одеяние, вышел из кабинки.

«Как и думал, это была Шитти».

Краска мгновенно схлынула с её лица, стоило нашим взглядам столкнуться.

— Ч-что ты здесь делаешь?! — заикаясь, воскликнула она.

— Здесь душ. Я голый, — тонкая усмешка появилась на губах. — И уверяю, что от меня не воняет. Можешь проверить.

Я помнил её последние слова. Оттого и дразнил.

Шитти фыркнула. Крылья прямого аккуратного носа вздрогнули, что сделало выражение её личика ещё более милым. Подобное трогательное умиление я испытывал, когда находился рядом с Гекатой.

— Приятно поболтали, но предлагаю на этом закончить, — Сорайя потянула за концы пояса, удерживающего блузу. Полы распахнулись, не скрывая более ни бледную кожу, ни родинок, рассыпавшихся по рукам и животу девушки, ни её розовых острых сосков.

— Какие-то проблемы? — небрежным, но не лишённым изящества жестом она избавилась от плотных брюк, оставаясь лишь в тонких бесшовных шортах.

В языке её тела не считывалось ни единого намёка на стыдливость или дискомфорт. Стеснение — не то, что аколит может себе позволить. Однако даже не будь она той, кем являлась, оно было бы лишним. На шитти хотелось смотреть. Впитывать в себя все плавные линии и шероховатости. Танцевать пальцами по бёдрам. Чертить узоры на ягодицах. Сжимать. Пробовать на вкус...

Мысли, определённо, забрели на опасную территорию.

— Спарринг? — Гэл прошептал это с неподдельным недоумением.

Я моргнул, мгновенно обращая взор к слуге. О чём тот говорил?

— Именно, — холодно подтвердила Зои. — Завтра ночью. Всё ещё хотите торчать тут и пялиться, вместо того, чтобы идти и готовиться?

Шитти прошла между нами. Не потрудившись обойти. Даже не попытавшись быть осторожной. Место, где наши плечи соприкоснулись, неприятно заныло, словно его укусила змея, или кто-то вонзил в кожу иглы.

Шум воды. В один миг душевую заполнил горячий пар.

Гэл не поднимал головы, избегая меня. Что это? Смущение из-за ошибки или же из-за неудобства, которое не спрятать за сложенными на паху ладонями?

Обнажённый вид Сорайя взбудоражил его — это я понять мог.

— Ступай за мной, — бросил я, разрывая тягучее молчание между нами.

***

Гэл

Каин ненавидел оправдания больше всего. И Гэл это знал, а потому смиренно признал вину. Гэл всегда трезво оценивал других и самого себя тоже. Он был незаметным, ловким, умным — идеальным информатором и подчинённым для господина. Но, похоже, даже этих качеств было недоста-

точно в этом месте. Как бы скрупулезно господин не просчитывал шаги, как бы сам Гэл не держал глаза широко открытыми, события ускользали от него, втаптывая в грязь его гордость.

Промах с ядом, а теперь и неведение о спаррингах, на которых Каину с больной ногой придётся несладко. И самое мерзкое: в обоих недочётах так или иначе виновата она. *Зои Сорайя*. Надоедливая выскочка. Удачливая сука, которой каким-то неведомым способом удалось спасти Торна и прознать важную информацию раньше него. Да и в душевой — она опозорила его, выставила перед господином слабым существом, не способным контролировать глупые реакции тела. Девчонка ведь даже не нравилась ему.

— Но не твоему маленькому дружку, — смеялась Геката, когда он рассказал ей о случившемся. Порой он начинал жалеть, что делился с сестрой всем.

— Не будь так строг. В какой-то степени она помогла нам. Замечание сестры отравило его, как подгнившие плоды любимой сливы. Во рту стало вязко и противно, но он принял и это, как принимал любую реальность. Ещё одно качество, которым он гордился.

Гэл перевернулся на живот и приподнялся на локтях, рассматривая спящую Гекату. Сегодня она уснула в разы быстрее, посреди разговора и его причитаний. Днём она сторожила комнату господина, а ночью выкладывалась на занятиях. Он не одобрял этого рвения, слишком привлекающего

остальных аколитов, но ничего не мог поделать: Геката была полна решимости стать лучшей, чтобы он и господин сочли её достойной. Чтобы не жалели, что взяли её с собой в опасную гонку за власть.

Рука скользнула по щиколотке сестры, вверх к коленке, где свежий шрам только начал затягиваться. Соскребнув запёкшуюся кровь, Гэл покинул кровать только за тем, чтобы вернуться, оставить на коже сестры невесомое прикосновение губ и нанести на рану мазь. За всё это время Геката так и не открыла глаз.

— Спи спокойно, сестра. Однажды, когда ты откроешь глаза, нам будет принадлежать весь мир.

Обещание рассыпалось горячим дыханием по щеке Гека-ты.

***

Не вовремя.

Как же не вовремя ярость вгрызлась в кости. Намертво. Без шанса, что это окончится быстро.

Я и сам не понимал, откуда взялась эта злость. Рошан смиловался, отодвинув сроки участия в спарринге, и подарил возможность понаблюдать за стилем боя других. Я воспользовался удачей сполна, проанализировав ведущие стороны как минимум трёх вероятных противников. Всё шло хорошо, пока на восьмиугольный ринг, окружённый металлической преградой, не поднялась она.

Мышцы икр болезненно сокращались. Я чувствовал, как

вздулись вены на руках. Как лопнуло несколько капилляров в левом глазу.

«Успокойся. Успокойся. Успокойся».

Я продолжал стоять среди аколитов, разгорячённых и бурно реагирующих на драку. Не отводил взгляда, не моргал и, кажется, дышал через раз.

Было что-то неправильное в том, как чужие руки мучили шитти.

Очередной трюк слейва, и Сорайя сплюнула кровь, отхаркнулась песком, которым учителя заполнили ринг для большего неудобства. Она была сильной — я это чувствовал всем естеством. Однако отчего-то шитти не прекращала изображать игрушку для битья.

Соперница отшвырнула шитти в сторону, не забыв изрыгнуть ртом какую-то новую чушь. Сорайя врезалась щекой сетку всего лишь в нескольких метрах от меня. Она просунула дрожащие пальцы в соты преграды, сжала металлические прутья и подняла голову.

Мой пульс участился. За смесью боли и страха в её глазах бушевала песчаная буря — свирепая, жестокая, прекрасная. Нужно было только дать ей волю. Подтолкнуть. Направить.

— Лодыжка. Справа.

Шитти прищурилась.

— Пошёл ты, — её губы изогнулись в беззвучном ответе.

С её носа и виска сочилась кровь. Грудь тяжело вздымалась. Новый вдох — болезненная пытка. Я знал это, потому

что видел каждый удар в область рёбер.

На мгновение почудилось, что чёрные цепи на её руках блеснули серебром, а от острых когтей слейва отделились тонкие разноцветные линии. Но наваждение пропало, бой продолжился.

Схватка давно перестала быть обычным учебным процессом, превратившись в личное противостояние. Зита Паркс лишила жизни кузину Зою, и она не забывала напоминать об этом в перерывах между взмахами и выпадами. Должно быть непросто — слушать как оскверняли память родного человека. Я не горевал бы ни по кому из своей семьи. Напротив, если бы можно было, то избавился бы от каждого, носящего фамилию Незера. Но шитти, очевидно, была привязана к родственнице.

Я подавил довольную улыбку, когда Сорайя всё же воспользовалась подсказкой. Похоже, что ещё до спарринга Зита поранилась. Обскур была опытной, но её скорость и изворотливость страдали из-за не зажившей травмы. Шитти сильно потрёпана, почти выдохлась. И всё же она смогла нанести точный удар по ноге.

Чаши весов качнулись. Роли поменялись. Зою забыла о всякой жалости, сполна наказывая обидчицу. Кто-то посчитал бы это излишне жестоким. Я же видел только справедливость.

Всё завершилось. Зою ликовала над побеждённой. А я, глупец, ликовал вместе с ней.

Глава 14. По пути против течения

Ни один манускрипт или постулат не поведает вам на-верняка ,

на что способен тот, на чьей руке блестит Слейв.

Старкс, учёный из Высшей школы изучения силы

— Говорят, у авейр кровь золотая. Ну же, слабачка. Покажи нам, какого цвета твоя.

Подбородок соперницы вызывающе выступал. Взгляд так и сочился самодовольством и уверенностью.

Как же она достала. Просто смертельно.

Казалось, на теле не было ни одного места, которое бы не гудело от напряжения. А ведь я уворачивалась. Впрочем, вполне вероятно, что со стороны это выглядело так, будто рукой соперницы я избивала сама себя. Царапины от когтей слейва, фиолетово-чёрные кляксы там, где кулак, в металлической перчатке всё же коснулся меня. Мне не хватало опыта и желания победить.

Обскур прибегла к провокациям. Это было очевидно, поэтому сцепив зубы, я терпела, до конца намереваясь остаться неприметной. Насколько это возможно в моём-то положении.

Неужели я хотела многого? Всего-то тихо-мирно отучиться в самой известной академии имперских убийц и забыть о страхах и гонениях на всю оставшуюся жизнь.

«*Не привлекай внимания. Не привлекай...*» — как скороговорку твердила про себя.

— Готова спорить, у твоей кузины кровь была самой обычной... — небрежно произнесла Зита.

Я сглотнула подступивший к горлу ком и подняла взгляд на соперницу.

— Красной и грязной? — выплюнула та и запрокинула голову, разразившись смехом.

Можно смириться со многим: оскорбления, угрозы — всё не более чем пустой звук. Но это... Это было последней каплей.

Они хотят крови? Тогда я утоплю их в ней.

Порывистые выпады оказались бесполезными. Гнев не помог, и я получила по лицу. Опять. И ещё несколько раз, пока не задумалась хотя бы на мгновение. Внимание привлекла правая лодыжка соперницы.

Вот же глазастый. Я не придавала значение словам шиита, посчитав их в лучшем случае насмешкой. Но, похоже, он действительно дал ценную подсказку. Не до конца понимая, чем именно продиктован аттракцион невиданной щедрости, я собиралась воспользоваться советом.

Я старалась не двигать пальцами слишком открыто. Вдох. Указательный — слегка изогнулся, подцепив ближайшую нить Силы. Выдох. Потянула руку на себя. Ленты послушно опутали Зиту и столкнули её колени вместе, не позволяя сделать и шага.

Мрачная ухмылка растеклась по моим губам. Нельзя было медлить, и я бросилась вперёд. Обогнула Зиту и, не раздумывая, вонзила острые металлические когти слейва в икроножную мышцу брюнетки.

Зита рухнула на колени и издала дикий вопль. Горячая алая жидкость струилась по моей перчатке, пачкая одежду и песок. Меня колотило — боязнь крови не вовремя напомнила о себе, но я насильно запихнула это чувство подальше. Поплачу и пожалею себя позже. Может, меня даже стошнит, но сейчас...

— Посмотри, — прошипела я, схватив соперницу за волосы и с силой дёрнув на себя. — Красная. Такая же как у моей кузины, любого другого обскура или авейры.

— С-сучка, — процедила Зита визгливо и беспомощно одновременно. Она дернулась в попытке вырваться, но боль в ноге была слишком яркой. — Я достану тебя!

Быстрым движением языка я слизала пот, перемешанный с песком и кровью, и с злорадством пошевелила пальцами, которые всё ещё мучили плоть соперницы.

— Не попадайся мне вне стен академии, — предостерегла я, вынимая когти с хлюпающим звуком. Чтобы донести свою мысль как можно отчётливее, резко вдавила лицо Зиты в песок.

Адреналин бурлил под кожей и заставлял улыбаться. Но иллюзорная эйфория не продлилась долго.

Когда учитель объявил о неожиданной победе, в зале зве-

нела тишина. Ни поздравлений, ни оскорблений, я спускалась с ринга под изучающие взгляды, которые могли означать только одно — теперь меня начнут воспринимать всерьёз. И это совсем не радовало.

— Идиотка! Какая же дура! — я без остановки молотила жёсткую подушку на кровати. — Глупая пятилетка и то бы сдержалась...

Думала, что провалюсь в сон, как только доберусь до кровати. Но вместо этого я оттирала кровь, а уже после костерила себя последними словами. Обозлённые, заинтересованные, желающие попытать свои силы в стычке с авейрой-обскуром — страшно представить, кого ещё приманила моя выходка.

«Стоит взять у Сирши и Риты ещё парочку уроков», — с досадой заключила я.

Обратного пути не было. Придётся сражаться, иначе другие аколиты попросту пережуют меня и выплюнут. По крайней мере отношения с Незера перешли в стадию затишья. Он даже помог, что бы это ни означало. Я невольно сжала ткань своей ночной рубашки — образ прилипшего шёлка к мокрому телу шиита меня изрядно взволновал. Я так упорно избегала его, но, похоже, что для Силы это всё равно, что жалкие трепыхания. Как и предсказывала Рита, эта ненормальная связь ехидны и лика крепла день ото дня.

Я перевернулась на спину, раскинула руки в стороны и глухо прошипела. Тело мгновенно отозвалось болью.

— Потрепи, Зои. Когда-нибудь это всё закончится.

***

Никто из учителей академии и не думал давать нам отдых после напряженных сражений, а потому с самого наступления темноты аколиты-первогодки: преодолевали полосу препятствий, оттачивали навыки в мастерстве побега (мои запястья опухли и до сих пор зудели, ведь, как оказалось, моя кожа слишком чувствительна к верёвкам и узлам обскура) и слушали лекции до тех пор, пока песок в часах лектора не перестал сыпаться.

За это время меня попытались столкнуть с деревянных брусьев, подбросить в одежду мешочек с порошком, который вызывал чесотку, и несколько раз обозвали «авеёрским отродьем». В целом, день вполне можно было назвать удачным.

Идти в комнату не хотелось, но и разгуливать по одинаковым коридорам было не лучшей идеей.

— Знаю я одно тихое местечко, — поведал Тиньяр тоном заговорщика. — Зуб даю, что там тебя никто не потревожит!

После случая с душевыми я со скепсисом относилась к любому предложению Торна. В общем-то я даже ни о чём его не просила, лишь обронила мысли вслух. Но тот счёл своим долгом реагировать на каждое моё слово. Было неожиданно, что обскур решил оставаться рядом просто потому, что я его спасла. Как-то это не вязалось с образом бездушной машины для убийц.

— Ладно уж, говори что за место такое, — не выдержав

его взгляда, выдохнула я.

Тиньяр довольно поиграл бровями и склонился к моему уху.

Секретным местом Тиньяра оказался заброшенный архив. Здесь, помимо старых отчётов об инвентаризации и кухонной утвари, хранились свитки, склянки и другие ненужные предметы.

Шаг внутрь, и тусклые люминофоры ожили, заливая помещение призрачным синеватым светом. Дверь бесшумно закрылась за спиной, отрезая путь к отступлению.

Передо мной раскрылся огромный сферический зал, где до самого купола вздымались ряды массивных стеллажей. У каждого — своя деревянная лестница-трансформер, готовая в любой момент понести меня к самым верхним полкам.

— А-апчхи!

Вытерла нос рукавом, не отрывая глаз от табличек с названиями отделов, и двинулась вглубь, поднимая облака пыли, кружившие в синеватом свете как звёздная пыль.

Глаза разбегались от количества того, что можно изучить. Для обскур многое из этого считалось старьём: кому взбрёт в голову рыться в свитках о растениях, которых уже давным-давно не существует в их галактике? Определенно, будущему переводчику. То есть мне!

— Надо будет поблагодарить Тиньяра

Следующие полчаса пролетели незаметно. Я с жадностью поглощала пыльные свитки, едва веря своей удаче. Среди

груды ненужных бумаг мне посчастливилось найти работы Зодгинса — того самого лингвиста, что расшифровал древний язык народа Након, стертого с лица галактики первым императором.

Стопка в моих руках росла, становясь все тяжелее, но я не могла остановиться. Каждый новый свиток мог оказаться важным.

Когда я добралась до очередного отдела, резкий электронный звук заставил меня вздрогнуть. Взгляд рванулся вниз, и свитки едва не выпали из рук.

В место, которое должно быть заброшенным и безлюдным, заявился Каин. И не один, а вместе с тем странным парнем из душа. Мне абсолютно не хотелось вновь вступать с ними в диалог.

Боги Дня и Ночи, что делать?

Решение пришло мгновенно. Не самое разумное, но единственное. Я вскарабкалась на стеллаж, растянулась на верхней полке, прижала драгоценные свитки к груди и замерла.

«Просто подожду, пока они уйдут», — кивнула я сама себе, стараясь дышать как можно тише.

Не хотела подслушивать, но гости говорили так тихо и таинственно, что я невольно напрягла слух.

— Попытаться вновь? — спросил тот занудный парень.

— Слишком подозрительно, — спокойно возразил шиит, и сердце совершило кульбит. — Выберем кого-то другого.

Меня бросило в пот. Жар расцветал на каждом сантимет-

ре тела. Скосив взгляд вбок, я едва не завывала, но вовремя опомнилась. Нити Силы взялись за своё. Золотые и фиолетовые ленты пустились в пляс навстречу блеклым лентам шита. Оставалось надеяться, что он это не почувствует. Ведь то, что чувствовала я, было сродни безумию. Агония чувств, когда всё твоё естество отчаянно требовало отклика другого.

— В этот раз действовать будем быстро. Яд преобразуем в...

Яд? На мгновение тяга к Каину отступила. Нахмурившись, я сосредоточилась на голосах. Но тут защекотало в носу. В ужасе я прижала язык к нёбу, пытаюсь сдержать чих.

«Нет. Нет. Нет», — стучало в голове.

— А затем поместим в ...

Я чихнула. Совсем негромко. Но говорящие умолкли, и это могло означать только одно.

В напряжённой тишине раздался приказ:

— Слезай.

Я не видела его лица, но кожей ощущала ледяное бешенство Незера.

— Мне конец... — обречённо прошептала я.

Глава 15. По пути вынужденного сотрудничества

*В Кёрнеррийской пустыне редко
столкнёшься с растительностью.
Однако есть один цветок, с которым
лучше и не встречаться.
Шипы «Шауку» или на официальном
языке империи «Губительной
страсти», настолько тонкие и
незаметные, что при проникновении
под кожу
остаются там навсегда и гниют в
теле до последних дней вашей
жизни.*

Карим, бадави [1] с планеты Кёрнерр

Я велел Гэлу покинуть архив, но вместо того, чтобы исполнить это незамедлительно, он воспротивился.

— Позвольте мне убрать её.

Он редко выражал свою неприязнь столь открыто. Это показалось любопытным, однако несвоевременным.

Девчонка издевательски долго переставляла ноги от одной ступени к другой. Хотелось схватить её за голые тонкие лодыжки и стащить оттуда немедленно.

— И что это нам даст? — небрежно спросил я, так и не сумев себя заставить посмотреть на слугу. Взгляд словно при-

клеили к маленькой фигуре. Странно, но ещё до того, как она оповестила всех о себе, я будто бы знал, что Зои здесь.

— Господин! — голос Гэла зазвенел от негодования.

Сузив глаза, я наконец обратил внимание к нахмуренному парню.

— Уйди. Повторять больше не стану.

Слегка поклонившись, Гэл в конце концов оставил меня один на один с Сорайя.

— Бессмысленно тянуть время, шитти.

От ядовито ласковых ноток моего тона её заметно передёрнуло. Она понимала, что оказалась на краю пропасти. Хорошо. Очень хорошо, потому что я больше не намеревался играть с ней.

Зои зависла на пятой ступени от пола. Пальцами, совершенно крохотными, если сравнивать с моими, она судорожно обхватила деревянное крепление, исподтишка поглядывая на меня.

— Не надумывай себе лишнего, хорошо? Звучит неправдоподобно, но я здесь по ошибке. Если бы знала, что и ты тут будешь, то ни за что бы не пришла.

Последняя фраза взбесила даже сильнее, чем её наглое враньё.

— Вниз, — нетерпеливо отрезал я. С каждой секундой шаткому контролю приходил конец.

Зои подчинилась. Она достигла пола, уткнувшись в него взглядом, словно тот был самой увлекательной деталью ар-

хива.

— Только не подходи! Предпочитаю переговоры на расстоянии...

— Поздно.

Мой насмешливый шёпот опустился на светлую макушку шитти, прежде чем я загнал её в ловушку. Руками, упёртыми в стеллаж, отрезал все пути к бегству. Мне нравилось, как она сжималась в пространстве между лестницей и моим телом: встревоженная, но не сломленная.

— Что я должна сказать, чтобы ты наконец поверил?

— Правду.

Зои была колючей, как кактус. Всё пыталась уколоть, защититься. Я уже заметил, что так она вела себя со всеми. Но со мной — особенно. Может, потому, что при первой встрече я едва не задушил её. Но было в этом что-то ещё. Что-то *другое*.

— Ха, правду? Я пытаюсь, — её голос дрогнул, не от страха, а от злости. — Но тебе что-то не особо нравится.

— Может, стоит постараться лучше?

— А может засунешь себе свои советы в...

Зои порывисто извернулась, но тут же проглотила продолжение фразы и застыла, выпучив глаза.

Её дыхание волновало мои губы. Я всё ещё опирался одной рукой о деревянную поверхность, а другой мягко держал её за подбородок. Поза была неудобной: ей пришлось запрокинуть голову, мне — сгорбиться. Её шея скоро занует. Моя

спина тоже. Но сейчас это не имело значения.

— Должно же быть объяснение, — я заговорил тише, но жёстче. — Почему мешаешь моим планам? Почему вечно мельтешишь передо мной, хотя сама просила об обратном?

Она нахмурилась, однако глаза не отвела.

— Почему, Зои? Почему ты *везде*, куда бы не упал мой взгляд?

— Не я контролирую твой взгляд, — парировала она. — Просто не смотри. Не ищи.

Обоснованное замечание, и оттого лишь ещё более раздражающее.

— Моя милая семья послала тебя?

— Зачем?

Смена темы явно озадачила её.

— Убить меня, — ответ прозвучал, как самая банальная вещь на свете.

— И часто твоя семья а в общем-то, знаешь, мне плевать. Это не моё дело. Я. Не собираюсь. Убивать. *Тебя*, — она говорила, выделяя каждое слово. — Разумеется, если ты не планируешь убивать меня, — не забыла добавить она.

Новая попытка вырваться, и снова моя железная хватка возвращает её на место. Убийца из неё и правда никудышный. Все посланные ко мне наёмники действовали иначе: скрытно и быстро. У шитти было столько возможностей, и она упустила каждую. Совсем непохоже на профессионала.

Я слегка наклонил голову вбок и, словно невесомо погла-

живая, прошёлся глазами по всем изгибам и линиям её тела.

— Если не за этим, стало быть, тебя отправили соблазнить меня?

Шитти скривилась, всем видом продемонстрировав презрение к одной только мысли о чём-то подобном.

— Не знала, что любая способна соблазнить сына Тёмного лорда.

— Ты — не любая.

На её скулах проступил румянец.

— Чокнутый, — прошипела она едва слышно и отвернула лицо.

И что с ней делать?

Мой большой палец скользнул вниз по её шее. Её сердцебиение напоминало гул имперского истребителя перед прыжком в гиперпространство.

Раздавить эту хрупкую шейку? Избавиться от проблемы раз и навсегда?

Странное противоречие терзало меня. Желание увидеть, как жизнь покинет её глаза, смешивалось с чем-то... ещё. Будто сама Вселенная была против этой мысли.

— Как насчёт соглашения? — вопрос Зои вырвал меня из размышлений.

Глаза шитти заблестели, словно два начищенных золотых кубка. Похоже, что собственная идея воодушевила её.

— Ты не будешь трогать меня до окончания учёбы. А я...

— Продолжай, — подбодрил я.

— Притворюсь слепой, глухой и немой. Можешь извести хоть всю академию. Я не вмешуюсь ни в один твой план.

— Значит, сможешь спокойно наблюдать за всем, что бы я ни сделал?

Зои активно закивала.

— Даже если я собираюсь помучить твою красноволосую подружку? Или разделаться с генеральским сынком? Помнится, один раз ты уже спасла его.

Тень опасной догадки проскользнула по лицу шитти. Она сглотнула, осознав, кто пытался отравить Торна. Но сказать об этом вслух значило подписать себе смертный приговор. И она, моя умная шитти, промолчала.

Гнев испарился, сменившись одобрением.

— Соглашение так, соглашение. — я шагнул назад, более не удерживая её.

***

Моя задумка трещала по швам, отрицать это и дальше не было смысла. И дело вовсе не в Зои Сорайя, колючке шауку, приставшей к подолам формы, но пока не проникшей под кожу. Раздуть недовольства родителей аколитов до галактических масштабов не удавалось из-за совсем другого человека.

Лиам. Обскур, которого выдворили из круга канцлеров. Я поставил на нового ректора, рассчитывая, что обида на Императора сделает его податливым. Но прошло чуть больше месяца, а смертность в академии не только не возросла —

она сократилась до неприличных значений.

В комнате гудел очиститель воздуха. Последнюю неделю на поверхности стояла аномальная жара. Это напоминало о днях, проведенных на Кёрнерре, где песчинки оставляли на коже порезы, а солнце выжигало следы до черноты.

Взглянув на закаменевшую ногу, я вспомнил и о том, что на планете песков она беспокоила куда реже, чем здесь, в месте, которое стало преградой, а не средством достижения цели, как предполагалось.

В памяти снова прокрутился последний разговор с Лиамом. Вывод был очевиден: ректор не на моей стороне. Его политика разительно отличалась от предшественников.

Либо Убис окончательно растерял гордость, продолжая служить тому, кто его отверг, либо... был настолько глуп, что искренне заботился об этих сопливых аколитах, с которыми мне предстояло провести три года впустую.

Я откинулся на кровать и заложил руки под голову. Нужен был другой подход. Но сейчас разум будто застилала пелена. Веки налились свинцом, и я не стал сопротивляться, позволив тьме унести меня прочь.

Меня окутывал душный обжигающий кокон. Распахнув глаза, я тут же сел, окинув взглядом пространство. Я был в своей комнате, на кровати с молочным балдахинном, который выбирала тётя. Языки пламени уродовали бархатную ткань и стремительно подбирались к пяткам. Каркас трещал и вот-вот должен был обрушиться на меня.

Справа, слева, впереди — огонь танцевал повсюду, подбираясь всё ближе и ближе. Когда паника почти отравила меня вместе с дымом, наполняющим лёгкие, я услышал какой-то шорох. Силуэт в углу комнаты мог бы стать спасением, признай я в нём императора. Своего отца.

Отчаяние стало ещё более ощутимым, ведь я не тешил себя иллюзиями, что сидящий в кресле человек придёт на помощь.

— Используй силу или сгоришь, — лёд в голосе Тёмного лорда немного охладил меня.

Я выставил руку со слейвом.

Давай же. Давай!

Но пламя лишь взметнулось выше, осмелев от моей слабости. Тонкие брюки и рубашка облепили потное тело.

— Какое разочарование, — произнёс он со скукой, и этот вздох стал моим приговором.

Отец покинул комнату, в тысячный раз предав меня.

Я не умру вот так.

Задыхаясь, я нащупал рукой покрывало, обернул вокруг себя и прыгнул в огненную бездну.

Я проснулся с кривой ухмылкой на устах, которая так бесила моих наставников и родственников. Мои ожоги вылечили, как и все увечья, которые оставались после очередного покушения. Но одна старая рана ныла, будто впившийся в кость осколок стекла. Идеальное напоминание. Как и шрамы в памяти, от которых никакое чудодейственное средство

авейр не избавит.

И слава богам.

Я *хотел* помнить. Каждый испуганный взгляд служанки, подмешивающей яд в вино. Каждый «случайный» удар в спину на тренировках. Каждую проверку от отца. Каждый способ, которым от меня пытались избавиться.

***

Дни сменяли недели, а недели — месяцы. Близились важное испытание. В случае успеха и исходя из результатов, аколит мог присоединиться к одному из отрядов, выполняющих миссии вне стен академии. Всего их было два. «Отряд ищек», занимающийся выслеживанием и устранением целей, и «отряд атташе», решающий дипломатические вопросы и собирающий информацию.

Вступление в "атташе" давало доступ к политическим кругам и возможность заручиться ценными связями. Идеальный вариант для меня.

На этот раз испытание проходило в новом формате — без симуляторов и прямого противостояния. Каждой паре надо было выполнить особое задание. Благодаря Гэлу я знал: одно из поручений касалось поиска артефакта или личности. Задача вполне соответствовала моим способностям.

— На выполнение вам дано три недели. — Красно-коричневые волосы ректора свободно струились вдоль груди. С трибуны он вещал о предстоящих событиях с непроницаемым лицом, не позволяя взгляду подолгу задерживаться на

ком-то конкретном. — Отсчёт начнётся ровно с того момента, как жеребьёвкой будет определён ваш напарник.

Я не переживал. Безусловно, было бы лучше, окажись со мной в паре умелый обскур. Но в нынешних обстоятельствах подошёл бы и тот, кто мог справиться с неприязнью ко мне ради выполнения миссии.

— Зои Сорайя и ...

Что-то тёплое невесомо коснулось грудной клетки. Отыскав светлую макушку среди остальных, я склонил голову в ожидании.

И наконец, ректор огласил:

— Каин Незера.

[1] - *Название отшельников, кочующих в пустыне от одного племени к другому.*

Глава 16. По пути поиска взаимопонимания. Часть 1

*Если вы не ребёнок, не женщина и
не алкоголь, но всё это любите,
метом отдыха можете смело
выбирать планету внешнего кольца
системы X.*

Межпланетное туристическое агентство Хэйзар

В те самые секунды, когда ректор, словно издеваясь, называл роковую фамилию, я мечтала потерять слух. Было бы неплохо потерять и сознание заодно. Так, по крайней мере, не пришлось бы в срочном порядке придумывать план, как покинуть академию, а ещё лучше — планету.

Что ещё оставалось? Не могла же я добровольно шагнуть в клетку с чокнутым обскуром, который спал и видел, как бы устранить меня. Возможно, я самую малость утрировала. Конечно же, у Каина Незера и без меня полно дел. Я знала это хотя бы потому, что в половину из них вляпывалась с поразительной регулярностью

— Аколиты, встаньте рядом со своими напарниками, — продолжал измываться ректор Убис.

Точно животное, которого вели на убой, я медленно плелась через весь зал, обходя других людей. От жалости к са-

мой себе стало тошно, я едва сдерживалась, чтобы не остановиться и не заорать. На ректора, выдумавшего дурацкое задание. На Каина, которого терпеть не могла. На Силу, что возомнила себе обратное. И на себя разумеется.

Но вместо этого я замерла. Резко подняла голову и чуть не прикусила язык от неожиданности. Совершенно машинально я подошла к нему вплотную, ещё пара шагов, и мы бы столкнулись.

Он наблюдал. Пристально. Без тени смущения.

Я прищурилась.

Боги, это что — снисходительная усмешка? Пока я изводила себя паникой, он стоял и оценивал меня! И, похоже, что оценка была не очень то высокой.

Я непроизвольно расправила плечи назад и вздёрнула подбородок. Страх внезапно сменился холодной яростью. Пусть только попробует что-то затеять, и сведу его с ума. Или перережу горло при первом же подозрительном взмахе ресниц.

— Не дрожи, маленькая шитти. Будешь слушать меня, и задание пройдёт гладко.

Я подняла глаза к чёрному потолку. Это будут самые долгие три недели в моей жизни.

***

Дверь с шумом отодвинулась, и в лицо прилетела тёмная тряпка.

Шокированная, я не была способна выдавить из себя ни

звука, лишь наблюдала, как Каин бесцеремонно расхаживает по *моей* комнате, собирая *мои* вещи в дорожный рюкзак.

— Очень хорошо, Зои. — Он остановился возле прикроватной тумбы и, повернув голову ко мне, расплылся в улыбке — Ты напоминаешь сума. Не хватает только высунутого языка и слюней.

То сравнивает с демоницей, то со зверьком. Определился бы уже.

— А ты похож на грабителя-извращенца, — тут же огрызнулась я, уперев руку в бок.

— Напрасно сердисься. Там, куда мы отправляемся, уловки этого животного вполне могут спасти тебе жизнь.

Замечательно. Просто великолепно! Наш первый разговор в качестве напарников начался с упоминания смерти.

Тем временем Каин добрался до ящика с моим бельём. К его чести, он лишь бегло оглядел содержимое и сразу перешёл к следующим.

— Хватит уже хозяйничать в моих вещах! — наконец сорвалась я. — Объясни нормально: куда мы вообще направляемся? И что это за тряпка? — я развернула брошенную в меня ткань, и мои пальцы автоматически сжали материал.

Несколько минут назад Каин засунул в рюкзак тёплую кофту и носки. Похоже, я окончательно запуталась. Тёмно-красная полупрозрачная ткань в руках никак не вязалась с тем, что выбирал шийт ранее.

Перекинув поклажу через плечо, Каин улыбнулся. И до-

вольно фальшиво, как мне показалось.

— Через полчаса мы вылетаем, поэтому опустим подробности. Расскажу о них уже на корабле. И да, платьё придётся надеть.

Спорить я не стала, но в мыслях не отказала себе в парочке ругательств.

Когда я вышла из комнаты, обскур уже ждал, облокотившись на глинистую стену. С удовлетворением кивнув, он повёл меня в верхний отсек, где, насколько помнила, располагалась взлётная площадка.

Подстроившись под его шаг, я не удержалась от расспросов:

— Так куда мы летим?

— Эфмун.

— О, Эфмун, — я повторила за ним, не задумываясь. Однако, осознав, какую именно планету он назвал, я мгновенно пришла в ужас.

Схватив его за локоть, с силой дёрнула обскура на себя и заставила остановиться.

— Эфмун?! — яростно прошипела я.

Казалось, такая реакция его сильно развеселила. Я же не находила в этом ничего забавного. Эта планета была гнездом насилия и жестокости. Под слоями густой атмосферы скрывались убийцы, контрабандисты и работорговцы. Даже название переводилось как «беззаконие».

— В последний раз радары засекли нашу цель именно там,

— объяснил Каин.

Я постаралась успокоиться, но получалось скверно. Взгляд упал на ноги, выглядывающие из двух глубоких разрезов, и я едва не задохнулась. Платье одновременно скрывало и оголяло тело: все эти жгуты на талии, вырезы и переливающаяся ткань. Наряд был откровенным, привлекающим внимание, и в нём точно не следовало расхаживать по Эфмуну.

— Так кем я буду? Твоей *страстницей*? — Я язвительно подчеркнула последнее слово, вспомнив прежние намёки.

Взгляд невольно скользнул к месту, где рука соприкасалась с Каином. Кожа шиита была горячей, и я могла поклясться, что она была нежнее самых дорогих шелков.

Словно услышав мои неправильные мысли, нити Силы взволнованно зашевелились. Всё это время они покачивались где-то позади, но теперь стали кружиться над нами.

Я оттолкнула локоть Каина от себя и злобно проскрежетала:

— Отвечай.

— Ты не будешь моей любовницей.

Из моей груди вырвался странный звук — нечто среднее между фырканьем и вздохом. Каин наклонил голову, изучая мою реакцию. Затем неожиданно провёл пальцами по моим волосам, почти нежно.

— Может быть, в другой раз, поэтому не печалься.

Этот дурацкий комментарий не прояснил ровным счётом

ничего. И вовсе я не печалилась из-за подобных глупостей.
Куда сильнее занимал другой вопрос.

Если не страстницей, то какую роль он для меня отвёл?

Глава 17. По пути поиска взаимопонимания. Часть 2

*Ты можешь уважать Руту, богиню,
дарующую свет. Можешь восхищаться
Ониксом, обучившем тебя силе
тьмы. Но ты не можешь верить в то,
что существуют иные боги, в чьей
власти дать тебе хоть что-либо.*

*Нона, автор исторических пособий для высших
учебных заведений.*

— Пустошь — гиблое место. Всем это известно. Вы можете убить её и списать на несчастный случай.

Я уже трижды проверил содержимое походного рюкзака, и готов был сделать это ещё раз, когда Гэл, не обронивший ни звука до сих пор, заговорил.

— Ты ведь видел её спарринг.

— Видел.

— Уверен, она не показала и пятидесяти процентов от того, на что действительно способна.

— Но она ведь дочь авейр.

— Не просто дочь авейр, — возразил я. — Хорошенько подумай об этом, Гэл. Для империи её родители — враги, но среди авейр они уважаемы и любимы. В подходящий момент мы можем использовать это. Пообещать им прекраще-

ние гонений в обмен на помощь в перевороте.

Клинок, который Гэл вращал на указательном и среднем пальцах, остановился. Белёные брови слуги выстроились в ровную линию у переносицы.

— Ей нельзя доверять, — сказал он.

— Пока нет.

В воздухе запахло железом. Я заметил, как кровь сочится между его пальцев, сжимающих лезвие. Но уже через мгновение дыхание слуги выровнялось. Ни единой лишней эмоции. Именно за эту железную выдержку я и ценил Гэла.

— Не могу объяснить, но я знаю, что она продолжит вмешиваться. Случайно или нет, не имеет значения. Уж лучше сделать так, чтобы мои планы стали и её планами тоже.

— Ваша прихоть не доведёт... — Гэл прикусил язык.

Я позволил паузе затянуться, наслаждаясь его дискомфортом, прежде чем сменить тему:

— Ты разузнал о человеке, которого нам предстоит отыскать?

Сэмюэль Лор — бывший ученик академии, который ныне работал под прикрытием. Полгода назад неизвестные сумели преобразовать небольшие сгустки силы в оружие, не зарегистрированное имперским правительством. Целью Сэмюэля стало внедриться в ряды поставщиков. Но пять дней назад связь с ним пропала. И теперь мне и Зои предстояло разыскать Лора и в целостности доставить обратно в академию.

Попасть на Эфмун, не вызывая подозрения у многочис-

ленных группировок, — задача нелёгкая. Однако благодаря связям Гэлу удалось достать пропуск на закрытый аукцион, который состоится через два дня в одном из крупных поселений. Повод для посещения планеты более чем весомый, да и подходящий под событие лот у них тоже имелся .

— Ты скоро изменишь мнение о Зои. — Я по-отечески сжал острое плечо слуги. — Она начнёт доказывать свою полезность, сама того не подозревая.

***

Крейсер, предоставленный ректором для задания, завершил последний из трёх световых прыжков в гиперпространстве. Наконец-то перестало казаться, что я проглотил огромную каменную глыбу, и можно было расслабиться.

Я наблюдал, как Зои медленно приходила в себя — её щёки снова порозовели, сменив болезненную зелень. Похоже, она совсем не привыкла к дальним перелетам, что, впрочем, неудивительно. В её биографии не было ни путешествий, ни ярких событий, в отличие от насыщенной жизни её родителей.

«Сорайя».

Эта фамилия время от времени звучала на собраниях, на которых я и остальные дети императора присутствовали неукоснительно. Луис и Мона подрывали авторитет Тёмного лорда, однако с успехом устраняли последствия стихийных бедствий или атак мятежников. Они выполняли грязную работу без приказа и не просили вознаграждение.

Это было удобно, и отец терпел их до поры до времени, пока волнения в империи не начали выходить из берегов и не стали угрозой для власти. Тогда император и объявил врагами имперской силы не только их, но и всю родню Сорайя вплоть до внучатых троюродных племянников.

Зои ждала смерть или вечные скитания. Но она поступила ещё более рискованно. Многие бы даже сказали, что у неё проблемы с головой. Однако именно сумасшедшая идея вступить в ряды своих палачей, отринув прошлое, и спасла её.

К тому же, её слейв, как и перчатки других обскур, был чёрным. Отец посчитал это проявлением слабости, полнейшим унижением для веры храма Дня, которое не несло за собой угрозы. Поэтому он дал своё разрешение принять дочку авейр в качестве аколита Академии обскур. Это было ещё одной причиной, почему я хотел Зои себе. Разве не забавно — обернуть ту, в ком император не разглядел опасности, против этого самого императора?

— Перестань пялиться. И так тошно. — Зои нахмурилась, когда корабль ощутимо тряхнуло. Должно быть, позабыла, что встряска — вполне обыденная вещь при входе в атмосферу некоторых планет.

— Попробуй дыхательную гимнастику. Поможет успокоиться и отвлечёт от тошноты.

Она лишь закатила глаза. Но спустя пару секунд я услышал, как её дыхание стало более глубоким, ритмичным, и

не смог остановить себя от лукавой полуулыбки: временами шитти была очаровательно послушной.

— Учителя в школе обходили Эфмун стороной. То, что я слышала, сплошные крупицы. Расскажи, что знаешь. Хочу морально подготовиться к тому, что там может ждать.

Не находил причин, чтобы этого не делать, а потому поделился с ней информацией.

Большая часть планеты покрыта пустынями, но они не похожи на песчаные барханы Кёрнерра. Пустыни Эфмуна были каменистыми, с остатками некогда огромных скал и каньонами, напоминающими лабиринты. Эти пустыни кишели ядовитыми животными. В них укрывались преступники со всех уголков галактики. И те из них, кому удавалось выжить здесь, становились по-настоящему влиятельными. С их стойкостью считались. К ним обращались за помощью: скрыть незаконный товар, сбить вещества и людей. И хоть с недавнего времени работорговля была запрещена, устраивать показательные аукционы на Эфмуне не перестали.

Разумеется, отец обо всём знал. Но пресекать на корню промысел не спешил. В конце концов, для этого ему бы потребовалось уничтожить планету: иначе заразу было просто не вывести. Наказание за торговлю людьми ужесточили. Но поскольку торговцы платили высокие налоги, император ослабил поводок и часто притворялся слепцом.

Особой популярностью на рынке Эфмуна пользовались женщины и дети. Когда я завёл об этом речь, Зои быстро по-

няла свою роль. Я ожидал чего угодно: истерик, проклятий, яростных отказов, однако шитти была куда более разумной, чем могло показаться. Хотя это и не лишало её ни волнений, ни страхов. С мрачной задумчивостью она перебирала тонкие цепочки, тянущиеся к металлическим когтям слейва.

— Твоя специализация — перевод, не так ли? — спросил я, отвлекая от её от размышлений.

Морщинка между тонкими светлыми бровями девушки исчезла, а в глазах промелькнул огонёк заинтересованности.

— Как много языков ты успела выучить?

— Дакха. Хаз. Мади кипе. Кхвиде... — она, вероятно, продолжала бы, перечислять оскорбления, но я запрокинул голову и от души рассмеялся.

Когда приступ веселья утих, сгинул, словно его никогда и не было, я нашёл её взгляд.

— Я знаю достаточно, чтобы называть тебя чокнутым весь день и ни разу не повториться, — сказала она с вызовом.

Её дерзость не задела меня, и я лишь одобрительно кивнул.

— Твои знания действительно впечатляют.

Как бы ни пыталась это скрыть, но признание способностей, пускай и шуточное, ей польстило.

Странное дело — с каждым днём я становился всё более жадным до этих мгновений. Я впитывал эмоции Зои, порой не отдавая себе отчёта. Словно её смех, злость, волнение или растерянность в один миг стали кислородом. Стали настоль-

ко естественным, над чем не задумываешься, а просто вдыхаешь.

Но это не все странности. Я не мог не замечать, как её взгляд скользил за мной в переполненных коридорах академии. Как она замирала, когда наши пальцы случайно соприкасались у общей чаши с водой. Как её дыхание учащалось, стоило мне сделать шаг в её сторону

Если бы это был просто страх, всё было бы проще.

Но Зои... Она вела себя так, будто знала какую-то тайну. Будто понимала природу этой невидимой нити, что необъяснимо тянула нас друг к другу.

«Бесполезно настаивать», — понимал я. Зои была из тех, кто уходил в полнейшее отрицание и сопротивление, если в её безопасном поле появлялся раздражитель.

— В каждом поселении говорят на языке группировки, которая там правит. Поэтому на Эфмуне нет единого официального языка, — я вернулся к рассказу.

Каждый хотел получить как можно побольше власти. По моему мнению, именно разрозненность и постоянные конфликты мешали этой планете стать сильнее и укрепить свои позиции.

— На аукционе переговоры будут вестись на имперском, но если ты услышишь изийский, дай знать.

— Разве изийцев не уничтожили ещё лет двадцать назад?
— удивилась Зои.

Изийцы не считали себя ни последователями храма Дня,

ни храма Ночи. Вместо этого они утверждали, что существует множество путей, на каждом из которых ждёт свой бог. Соперничество с авейрами для обскур всегда было и остаётся вопросом главенства в общей картине мироздания, тогда как языческое верование изийцев искажало эту картину. Поэтому авейры и обскуры были едины в своём стремлении подавить распространение неправильных учений. Так началась Первая Священная война, в которой два храма действовали сообща.

Согласно официальным источникам, изийцев истребили полностью: от стариков до младенцев. Однако, похоже, некоторые из них смогли выжить в кровавом безумии. Вероятно, именно эта горстка людей и стала предпринимать попытки отомстить.

— В отчётах Лор утверждал, что те, к кому он проник, общались между собой на изийском.

— Изийского не было в моём учебном курсе. — Она выглядела по-настоящему расстроенной. Однако, быстро подумав, Зои приободрилась. — Но я хорошо знакома с языковой семьёй, куда входит изийский. Поэтому, возможно, и получится распознать.

— Возможно, значит. Слишком расплывчато. Я должен знать наверняка.

— Боги...

Зои порывисто поднялась. Браслеты на лодыжках призывно зазвенели, притягивая мой взгляд.

— Уверена, что смогу. Доволен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.